

М. Жуковъ

ОЧЕРКЪ ПУТИ

*1/6
133*

ИЗЪ

2/50. а

СИТХИ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ,

Ф. Врангеля.

С. ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ три
экземпляра.

С. Петербургъ, 16-го Ноября 1836.

Ценсоръ С. Куторга.

2007096515

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

СИТХИ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Ты находился въ сомнѣніи, старый другъ мой, на счепъ пуши, которымъ мы возвратились сюда изъ Ситхи. Тебѣ извѣстно, что семь лѣтъ тому назадъ, мы выѣхали изъ С. Петербурга чрезъ Московскую заставу, и благополучно проѣхавъ, съ женою и ребенкомъ, около 11,000 верстъ, по Россіи и Сибири до Охотска, на суднѣ Россійско-Американской Компаніи переплыли Океанъ, и вышли на землю на сѣверозападномъ берегу Америки, въ Ситхѣ, у Ново-Архангельска, ко-

порый долженъ былъ въ печеніе паша лишь служилъ намъ мѣстопробываніемъ. Это время пропекло — и въ одно прекрасное утро ты видишь, что мы изъ Кронштапта пристаемъ на Англійской Набережной въ С. Петербургъ; узнаешь, что наше времясчисленіе цѣлыми сутками ушло впередъ Европейскаго, и естественно заключаешь, что мы на пути своемъ держали на востокъ, хотя мы можемъ увѣрить, что не касались экватора. Между Сисхою и Петербургомъ простирается материкъ Америки, Атлантическій Океанъ и западная Европа: безчисленны пути, которые мы могли избрать для доспигенія нашей цѣли. Съ удовольствіемъ сообщаю тебѣ краткое обозрѣніе того, который мы выбрали.

Мы отплыли изъ Сисхинскаго Залива 24-го Ноября 1835, на компанейскомъ суднѣ Сисха, подъ командою Ка-

пригласил лейтенанта Митькова. Премникъ мой въ колоніяхъ, Капитанъ 1-го ранга Купреяновъ, за мѣсяць передъ тѣмъ, прибылъ туда съ своею любезною супругою, . коей пріятное общесіе доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствію, что вообще, въ кругу знакомства въ Ново-Архангельскѣ едва происходили перемѣны. Онъ проводилъ насъ до залива, со многими офицерами. Мы бросили послѣдній взоръ на скалу, гдѣ провели пять лѣтъ, гдѣ покидали могилу милаго дитяти, сочувствовавшего намъ по Сибири, и съ умиленіемъ расстались съ этимъ мѣстомъ, его добродушными, преданными намъ жителями, и съ ревностными моими сослуживцами, коихъ усердіе въ исполненіи обязанностей будешь для меня всегда пріятнымъ воспоминаніемъ.

Мы поплыли къ главному городу Верхней Калифорніи, Моншерей, и пре-

перпѣвъ подъ 44° ш. сильную бурю съ градомъ , молніею и лепучимъ огнемъ на реляхъ, въ шемную ночь, 17-го Декабря, бросили якорь въ Монтерей. Послѣдовавшая , за два мѣсяца предъ шѣмъ, смерть Губернатора Калифорніи, Генерала Фигероа, повергла эпошъ край въ плачевное положеніе , шѣмъ болѣе, что важныя запрудненія, при введеніи новыхъ постановленій Мексиканскаго Конгреса, еще не были устраниены; недостапокъ въ деньгахъ, и безъ того уже чувствительный, сдѣлался еще тягостнѣе отъ спѣснительныхъ для торговли законовъ , и скудные способы Правительства отъ неурожая и освобожденія Индѣйцевъ, соспо- явшихъ до того подъ надзоромъ миссій, до такой степени изсякли, что надобно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для прокормленія гарнизона, копорый, въ полномъ комплектѣ , соспойшъ изъ 30 человекъ

конныхъ , 30 пѣхошинцевъ и 20 артиллеристовъ.

Пока судно наливалось водою и запасалось свѣжею провизіею, мы, для развлеченія, сошли на землю. Поселившійся въ Моншереѣ Шопландецъ предложилъ намъ свой кабріолетъ, мула, верховыхъ лошадей и общество свое и своей жены, здѣшней Испанской креолки, для поѣздки въ миссію Санъ-Карлосъ. Мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе. Офицеры судна, услужливый Шопландецъ и я, верхомъ, сопровождали дамъ, ѣхавшихъ въ кабріолетъ, везомомъ муломъ и лошадыю, на кошорой сидѣлъ Индѣецъ.

Ты вѣрно помнишь еще нашу поѣздку въ 1818 году? Крутыя горы и густыми тучами покрытое небо Камчатки, Кадыяка и Сипхи были послѣдними предметами, кошорые тогда запечатлѣлись въ нашей памяти; потому мы съ неописанною радостію

привѣтствовали прелестные холмы и долины Калифорніи, подобные паркамъ дубовые лѣса, бархатные зеленые луга и зыблющіяся пашни, которые живописно смѣнялись и восхищали взоры наши на краткомъ пути изъ Монтеррея въ Санъ-Карлосъ. Въ миссіи принялъ насъ радушно почтенный пашеръ, и гостепріимно угостилъ чужеземцевъ. Жилища, плодовый садъ, дѣятельность Индѣйцевъ — все являло порядокъ и благососіюаніе заведенія.

Сколь многое измѣнилось съ того времени! Чистый теплый воздухъ, ясное голубое небо, прелестные холмы были тѣ же, какъ и тогда; мы и теперь, послѣ долгаго лишенія, наслаждались тѣми же красивыми видами; но человекъ въ дѣлахъ своихъ не осмался сшоль поспюяннымъ, какъ природа въ своихъ произведеніяхъ. Каменные строенія миссіи развалились, запустѣли, поля не воздѣланы, Индѣй-

цы предались праздности, и вмѣсто опшкровеннаго, добродушнаго Каспильца, тогдашняго папера, встрѣтилъ насъ угрюмый, недовольный, необразованный Мексиканскій монахъ.

Не будемъ останавливаться въ сей, несчастной, но не смотря на то, прекрасной странѣ; поспѣшимъ далѣе, ибо путь еще длиненъ. Въ самый день Новаго Года, по новому счислю, мы опять вступили подъ паруса, и послѣ спокойнаго быстраго плаванія на югъ, бросили якорь на рейдѣ Сантъ-Бласъ, въ день Новаго Года, по старому счислю. Мы внезапно перешли въ жаркій поясъ, подъ $21^{\circ} 32'$ широты, на берегъ Мексики. Свѣжій морской вѣтеръ умѣрялъ днемъ тягостный жаръ, а растянутая на палубѣ палатка, защищала насъ отъ палящихъ лучей солнца. Мы услаждали вкусъ свой прекрасными тропическими плодами, которые во множествѣ приво-

зили намъ съ берега; наши Сипхинскіе креолы и Сибиряки также не упускали лакомиться бананами, анельсинами, лимонами, кокосовыми орѣхами, копорые при 20° шепла весьма пріятно освѣжаютъ; свѣжее молоко, мягкій хлѣбъ и [усприцы, которыя здѣсь распутъ на деревьяхъ, не оставляли ничего болѣе желать сѣвернымъ гаспрономамъ. Касательно усприць должно замѣшшъ, что онѣ насѣдають на опущенныя въ воду вѣшви куспарника, распущаго на морскомъ берегу; рыбахъ, на лодкѣ, подѣвзжаешъ, вынимаешъ вѣшвь изъ воды, снимаешъ усприцы, которыя крупнѣе, а съ прочими опяшъ опускаешъ вѣшвь въ воду.]

Здѣсь я намѣренъ былъ сойти съ судна, и сухимъ путемъ вновь пробрашъся къ Атлантическому Океану. Посему обратился я къ мѣстному начальству съ просьбою о паспортѣ; но весьма естественпо, что я встрѣ-

шилъ запрудненія въ шакой землѣ, гдѣ революціи сдѣлались обыкновенною вещью, и ни одной партіи не удаешся присвоить себѣ прочную власть, пошому что ни одна изъ нихъ не имѣетъ въ виду общей пользы, но всѣ руководствуются жадностію къ богатству и почестямъ; пришомъ же, Санъ-Бласъ весьма опдаленъ отъ главнаго правленія въ Мексикѣ. Таможня была единственное управленіе, которое предъявляло право вступиться въ мое дѣло. Явились чиновники, которые съ большою подробностію начали собирать справки объ насъ и нашихъ намѣреніяхъ, исписали нѣсколько листовъ бумаги, и чрезъ два дня объявили, что, по какимъ-то законамъ, мнѣ нельзя проѣхать чрезъ республику. Англійскій Консулъ, Г-нъ Барронъ, живущій въ городкѣ Тепикѣ (въ двухъ дняхъ пуши отъ Санъ-Бласа, за горами), къ которому я также обращал-

ся, личнымъ своимъ вліяніемъ успранилъ сіи препяшствія ; къ великому успокоенію моему, прислалъ онъ очень привѣшливое приглашеніе къ себѣ въ Тепикъ , дабы тамъ приготоовиться къ дальнѣйшему пуну въ Мексику, и сверхъ того, далъ своему комиссару въ Санъ-Бласъ приказаніе, снабдить насъ выучными мулами , верховыми лошадьми, надежными погонщиками, и выхлопошалъ для насъ паспортъ опъ мѣснаго начальства. Въ короткое время, все было сдѣлано. Проведя шесть дней на рейдѣ, мы съѣхали на берегъ , чтобы на другой день рано упроемъ отправишься въ пунъ.

Городъ Санъ-Бласъ споитъ на скалѣ ; чтобы взобратъ на нее , сѣли мы на мѣстѣ сходки на ожидавшихъ насъ лошадей, и мѣрнымъ шагомъ вскорѣ въѣхали въ деревню , лежащую у подошвы скалы, на низменной равнинѣ. Самая роскошная тропическая ра-

спительность предспавилась нашимъ
взорамъ въ садикахъ, мимо которыхъ
пролежала дорога; хижины изъ бамбу-
коваго прорспника, крышыя пальмо-
выми лисьями, спояли разсѣянно въ
густой тѣни шамариндъ, манговыхъ
деревъ и плашановъ; золопые апель-
сины, какъ огненные шары, свѣпи-
лись сквозь зелень многочисленнѣй-
шихъ распеній, коихъ разнообразіе,
по формѣ, цвѣту и величинѣ лисьевъ,
цвѣповъ и плодовъ, изумляло чуже-
земцевъ. Ручные попугаи, переселен-
ные изъ близкаго лѣса въ воздушныя
жилища поселянъ, забавно свиспали и
кричали ломанымъ Испанскимъ язы-
комъ; мужчины и женщины занима-
лись на открытомъ воздухѣ домаш-
ними дѣлами своими, и загорѣлыя,
полнощекія дѣши, нагія играли на го-
рячемъ песку. Эта сцена внезапно из-
мѣняется съ наступленіемъ дождей,
которыя начинаются въ Маѣ; равни-

на превращается въ болото, коего смертоносныя испаренія заражаютъ атмосферу; жишели сонными умирають отъ ужасныхъ лихорадокъ, и счастливъ, кто можетъ спастись въ горы. Санъ-Бласъ есть самое нездоровое мѣсто въ республикѣ; нигдѣ лихорадки не свирѣпствуютъ съ такою жестокостію; не смотря на то, именно въ Санъ-Бласъ, не было холеры, хотя въ 16 легахъ далѣе, въ горахъ, въ Тепикъ, изъ 8,000 жишелей умерло отъ нея 1,000 человекъ.

Взобравшись на скалу, въ городъ Санъ-Бласъ, мы увидѣли картину разрушенія: казармы, церкви, публичныя зданія, укрѣпленія, все каменное, стояли въ развалинахъ, какъ печальные памятники исчезнущаго лучшаго времени; во внутренней гавани, внизу, на берегу, гнили обломки кораблей, поспроенныхъ на здѣшней верфи до революціи; теперь не достаетъ спо-

собою, чтобы поспроить хотя одну небольшую лодку, и вся морская сила республики на Тихомъ Океанѣ состоить изъ одного корвета, съ шестью пушками разнаго калибра. — Мы приѣхали въ торговый день; на такъ называемой Большой Площади (plaza mayor) толпились сельскіе жишеля и мулы, которые, бывъ освобождены ошъ привезенныхъ на продажу плодовъ, зелени, живности, яицъ, глиняной посуды и другихъ предметовъ, бродили посреди разрушившихся зданій, ища колючей правы, вырастающей изъ стѣнъ. Управляющій таможеню, который сдѣлался снисходительнѣе, вѣроятно, по посредничеству Г-на Баррона, вечеромъ удостоилъ насъ своимъ посѣщеніемъ; онъ много рассказывалъ намъ съ Испанскимъ краснорѣчіемъ, о великолѣпномъ смотрѣ войскъ въ Калишѣ, коего описаніе со-

спавляло предметъ ежедневныхъ разговоровъ въ Сантъ-Бласъ.

На другой день, предъ восходомъ солнца, нашъ караванъ отправился въ путь: моя жена, я съ четырехлѣпнымъ сыномъ нашимъ, слуга, горничная (креолка съ Уналашки), двое погонщиковъ муловъ, босоногихъ, въ бѣлыхъ рубахахъ, и проводникъ, закутанный въ свою серапу, вооруженный шпагою и огромными шпорами, слѣдственно всего семь всадниковъ и пять вьючныхъ муловъ. Спустившись съ Сантъ-Бласской скалы, ѣхали мы, скорымъ шагомъ, болѣе 3-хъ часовъ по пропѣ, проложенной чрезъ боломистую, необитаемую и невоздѣланную равнину, между пальмовыхъ роісей и бамбуковаго простника. Проводникъ нашъ, Донъ Езусъ, показалъ намъ небольшую деревеньку, въ которой мы могли позавтракать. Жаръ, при безоблачномъ небѣ, въ это время года былъ

несперимъ, и: часть отдыха весьма пріятень; лошадей и муловъ поставили въ шѣнь, и у хозяйки одной хижины заказали завтракъ, состоявшій изъ дурной воды, вареныхъ frijoles, родъ черныхъ бобовъ, tortillas, лепешекъ изъ маисовой муки, пиягучихъ и невкусныхъ. На дальнѣйшемъ пути вспрѣчали мы деревни,, окруженныя сахарными и плапановыми плантаціями и маисовыми полями, и на ночь остановились въ rancho, или фермѣ богатой вдовы, Доны де Мануэля. Въ этой странѣ,, путешественникъ долженъ отказатьсь отъ всякихъ удобствъ, и приготоовишься къ ужасной дороговизнѣ: полдюжины лепешекъ и блюдо бобовъ стоили Испанскій піастръ (5 р.); если ему посчастливилось достать яичницу, то заплашишь полпіастра, а за курицу піастръ. Печеный хлѣбъ и вино можно найти только въ большихъ деревняхъ (pueb-

las) и городахъ; но щещно спалъ бы онъ спрашивать молока и масла; ему отвѣчающъ, чшобы приходилъ во время водъ, en tierra de las aguas, а теперь зима, и скошъ шерпишъ недо-спашокъ въ кормъ, ибо высохшая зем-ля не произращаетъ травы. Для но-члега отводятъ сарай, безъ скамей, спульевъ и споловъ, и такой pasado, venta или meson, какъ называющся эпи ночлеги для путешественниковъ, пользуешься доброю славою, если дверь плотно заворяется, и въ глиняныхъ спѣнахъ нѣшъ щрецинь, шириною въ ладонь, и диръ, въ копорыя можно просунушь голову.

По здѣшнему обычаю, предъ вос-ходомъ солнца мы оплпъ сидѣли на лошадяхъ. Мы покинули tierra caliente, и поспешенно поднимались въ горы къ Тепику, споящему въ такъ называе-мой, умѣренной полосѣ, tierra templada, этой удивительной земли. Въ горахъ

воздухъ былъ не такъ душенъ, какъ на равнинѣ, но солнечные лучи все еще сильно жгли, и шѣмъ болѣе, что мѣста большею частію безлѣсны, и всадникъ находилъ лѣсъ только въ садахъ около деревень.

По мѣрѣ приближенія къ городу, увеличивается народонаселеніе, и земля становится обрабатываемѣе; плодовые сады съ прекраснѣйшими апельсинными деревьями окружаютъ хижины поселянъ; сахарныя плантаціи, майсовыя поля, плантаціи магея разсѣяны повсюду, и ограничиваются рядами плапановъ, коихъ саженные листья висятъ до земли. Распеніе магей есть родъ алая, *agave americana*, изъ сока коего дѣлается водка, *moskal*; далѣе на воспокъ дѣлаютъ изъ этого сока напишокъ легче и здоровѣе, *pulque*. Аспеки приготавливали изъ длинныхъ листьевъ бумагу для іероглифическаго письма своего, и теперь еще

изъ волоконъ вьющъ веревки. Мѣстами попадающся сахарные заводы, для выдѣлки москаля, и по дорогѣ хижины, въ которыхъ продають спѣлые плоды, сигары — *rigos* и *rapellitos* — москаль, подъ букетами цвѣтшвъ, со вкусомъ разспавленныхъ.

Мы прѣхали въ Тепикъ въ полдень, и покрытые пылью, взѣхали на просторный и украшенный цвѣтами дворъ Г-на Баррона, который принялъ насъ дружелюбно, и ввелъ въ великолѣпно меблированные покои, чтобы представить своей фамилии. Такимъ образомъ, мы по наружности очутились въ Европейскомъ городѣ, въ обществѣ образованнаго семейства. Радужная встрѣча Г-жи Барронъ, веселое, пріятное обхожденіе любезныхъ и прекрасныхъ ея дочерей, высокое музыкальное дарованіе двухъ старшихъ, Доны Долоресъ и Доны Мануэлы, занимательная бесѣда самого Г-на

Баррона, однимъ словомъ, все видѣнное нами въ домѣ эпной достойной уваженія фамиліи, доспавило намъ не сказанное удовольствіе, и послужило подкрѣпленіемъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, копорымъ, послѣ долгаго лишенія, пользовались мы; цѣлую недѣлю. — Однако же, я не долженъ распространяться: попытаюсь, въ общихъ чертахъ описать, тебѣ дальнѣйшее наше путешествованіе, не останавливаясь на городахъ и деревняхъ, чрезъ копорые мы проѣзжали. Г. Барронъ уговорилъ *Geſe politico*, копорый рѣшиительно хотѣлъ воспретить намъ ѣхать далѣе; онъ позаботился также о лошадяхъ, мулахъ и погонщикахъ. Верховая ѣзда изъ Санъ-Бласа была не слишкомъ шогоспна женѣ моей, за исключеніемъ солнечнаго удара въ руку; сынокъ нашъ много забавлялъ себя и насъ, на своей красивой лошади, болшовнею съ друзьями

своими, Испанцами, которые спарались выучить его своему языку; и такъ мы могли съ бодрымъ духомъ ѣхать далѣе.

Я назвалъ бы Мексику землею противоположностей. На разстояніяхъ соразмѣрно короткихъ, смѣняются самыя пустыя степи съ прекраснѣйшими садами и плантаціями; необозримыя равнины съ высящимися до небесъ горами; безлюдныя пространства съ населенными селами и городами; холодный упренный воздухъ съ палящимъ полуденнымъ зноемъ; (сосновые лѣса съ бананами и сахарнымъ проспиритомъ; мѣднаго цвѣта черноволосые Мексиканцы съ бѣлокуроими Испанцами. Безлѣсныя степи на горахъ несказанно пусты въ сухое время года. Глинистая и каменистая почва обнажена отъ всякой растительности; изрѣдка на обширномъ пространствѣ встрѣчается колючій нопаль, напшоя-

щій Мексиканскій кактусъ; горизонтъ
опоясывающъ голыя горы, воздухъ
сухъ, небо ясно, и солнце распалаетъ
людей и животныхъ до разслабленія:
на пути чрезъ степь они тщетно
ищутъ прохладной тѣни и освѣжаю-
щей воды. Гологоловый коршунъ, на-
зываемый *zorolote*, лѣнливо носится
надъ степью, и опускается тамъ, гдѣ
привлекаетъ его запахъ мертвечины.
Эта печальная картина степей Мек-
сиканской равнины между Тепикомъ и
Гвадалахарою, простирающихся на мно-
гіе десятки миль, самымъ пріятнымъ
образомъ оживляется внезапнымъ по-
явленіемъ пшички огненного цвѣта,
величиною съ нашего воробья (это
не кардиналъ, котораго мы видѣли въ
Перу; впрочемъ онъ также водится
въ здѣшнихъ лѣсахъ); она свѣтитъ
въ воздухѣ, какъ раскаленный уголь,
на лету или качаясь на вершинѣ но-
паля. Эту прекрасную пшичку назы-

вали мы *другомъ*, изъ благодарности за удовольствіе, которое доставляло намъ ея появленіе: обыкновенно показывалась она по близости жилыхъ мѣстъ, ибо гдѣ есть ключи и могутъ быть употреблены для поливки мансовыхъ полей, сахарныхъ плантацій и банановыхъ рощей, тамъ вѣрно встрѣпишь красивую деревеньку, которая, съ зелеными садами и полями своими, какъ оазисы въ песчаныхъ моряхъ Африки, пріятно изумляетъ упомянаго путешественника. Иногда дорога идетъ по краю глубокаго оврага, коего влажное дно обитаемо и воздѣлано, и куда взоры обращаются съ вожделѣніемъ, пока дорога не свернетъ опять въ сухую, безжизненную, скучную степь. Потомъ сцена перемѣняется; мѣстоположеніе сѣмьется разнообразіе; въѣзжаешь въ хвойную рощу, родъ Сибирскихъ кедровъ, но не высокаго роста, въ пѣни коихъ

цвѣшущъ лупины, того же рода и цвѣша, какъ и покрывающія въ Кадыакѣ большіе луга; если бы не встрѣчался намъ другъ нашъ, огненная пшичка, мы могли бы забыть, что находимся между пропиками.

На ночь мы всегда останавливались въ селеніяхъ. Хижины поселянъ на горныхъ равнинахъ не изъ тростника, какъ въ жаркой полосѣ, но изъ нѣжной глины; въ нихъ нѣтъ съшкособразной рогожной койки и качающагося въ ней креола, нѣтъ и круглыхъ, изъ бамбуковаго тростника сплетенныхъ креселъ; все прочіе и соотвѣтственіе суровѣйшему климату. Жилище креола меблировано слѣдующимъ образомъ. Въ одномъ углу, или и у стѣны противъ дверей, стоитъ образъ Святаго или Гваделупской Богоматери; у другой стѣны, на полкахъ, разставлены тарелки, чашки и глиняная посуда; на прешей виситъ

гипара, войлочная шляпа съ широкими полями, и длинная, прямая, съ обѣихъ споронъ острая шпага, съ слѣдующимъ изрѣченіемъ, которое золотыми буквами насѣкается на свѣшлой спинѣ:

No me satues sin rason,
No me enbaines sin honor.

Очагъ спроехся въ особенной хижинѣ, подлѣ жилаго дома; тамъ, во всякое время дня, увидишь одну изъ женщинъ семейства, стоящую на колѣняхъ и перетирающую между камнями маисовыя зерна въ муку, копорая употребляется на лепешки для семейства и заѣзжихъ. Куски мяса висятъ подъ крышею для сушки; ихъ рѣжутъ, варятъ съ зеленымъ или краснымъ стручковымъ перцемъ въ глиняномъ горшкѣ, и это составляетъ любимое кушанье Мексиканцевъ. Хотя хозяйство ихъ съ перваго взгляда кажется неопытнымъ, но они па-

блюдають величайшую чистоту въ изготовленіи кушанья; ихъ глиняная посуда, сосуды для воды, копорые сохранили свою форму со временъ Мон-тесумы, всегда бывають чисты, и они ничего не спавяшъ на огонь, именно ни какого мяса, не вымывъ прежде мыломъ, и не выполоскавши. Они всегда услуживали намъ съ дружелюбіемъ, и обращались съ большимъ вниманіемъ, за исключеніемъ непомѣрныхъ цѣнъ за дурную пищу.

Проѣхавъ около 18 легъ отъ Тепика, мы на прерпій день вспунили въ спрану, копорая, по особенноти своей и по непреодолимому впечатлѣнію, на насъ произведенному, заслуживаетъ упоминанія. Какъ далеко доспигали взоры, земля была покрыта черными щлаками и кусками лавы, часто огромной величины; ни малѣйшее разнообразіе не развлекало устрашенныхъ взоровъ; черная, изрыпая,

обширная равнина простиралась подъ ногами нашими до краевъ горизонта. Трудно составить себѣ понятіе о такой совершенной картинѣ смерти въ природѣ! Въ тундрахъ сѣверной Сибири, которыя зимою покрываются какъ бы саваномъ, и въ лдяной равнинѣ полярнаго моря, думалъ я нѣкогда видѣть символъ смерти; но игра солнечныхъ лучей, преломляющихся объ ледъ и снѣжные кристаллы, имѣешь свою прелесть; бѣлая равнина блестящая тысячами алмазовъ, смарагдовъ, рубиновъ; а когда солнце скроется въ густомъ снѣжномъ вихрѣ, движеніе падающихъ хлопьевъ и чистая бѣлизна ихъ вновь напоминаютъ о жизни. Здѣсь же, на мѣстѣ необъяннаго горнаго пожарища, гдѣ владычествуешь совершенное отсутствіе цвѣтовъ, глазъ, куда бы ни обратился, видишь только черныя массы: по истинѣ, едва ли воображеніе мо-

жестъ создать что либо ужаснѣе этого зрѣлища! Лишь только перебрались мы чрезъ сей попухшій краперъ, какъ намъ показалось, что изъ мрачной могилы вступили мы въ веселую жизнь. Свѣшлозеленныя майсовыя поля, темносинія агавы, зеленовапо-желтый сахарный простникъ, покрывали почву, какъ бархатные ковры, и дѣлательное населеніе деревни Ahuacatlan, уподобляло ее немаловажному городку. Она стояла на рѣчкѣ; въ ней прямыя лица, каменные строенія, красивая церковь, лавки и, что для насъ было всего важнѣе, порядочный, съ окнами и дверьми, постоялый дворъ, *pasado*. Красивѣйшихъ кипарисовъ мы не видали, развѣ только въ Керешеро; во многихъ садикахъ деревни стояли группами апельсиновые деревья, обремененныя золотыми плодами, и ряды банановъ тянулись вдоль берега рѣчки. Мы пріѣхали ровно въ полдень, и не-

сказанно спрадали опъ жары на улицахъ. Мой термометръ Реомюра, стоявшій въ 7 часовъ утра на 7° тепла, показывалъ въ полдень въ тѣни 20°, а на солнцѣ 35 $\frac{1}{2}$. Такъ какъ мы на прогулкѣ по улицамъ совершенно подвергались солнцу, то въ теченіе пяти часовъ, изъ осенней Симхинской температуры перешли въ температуру горячихъ сѣрныхъ ключей.

На пути изъ Тепика, мы каждый день встрѣчали караваны, шедшіе съ иносстранными товарами отъ морскаго берега въ провинціи, или изъ внутреннихъ областей къ морю. По близости Агуакашлана случайно сошлось изъ разныхъ споронъ болѣе 1000 муловъ. Изъ сѣверныхъ деревень шли обозы съ мыломъ, другіе со шляпами и водкою; изъ Гвадалахары, съ гипсами и мѣдною посудою, а съ юга, изъ Колимы, съ кокосовыми орѣхами. Мы купили ихъ нѣсколько, по реалу

(65 коп.) орѣхъ, и утолили жажду сладкимъ, освѣжающимъ молокомъ. Гонщики муловъ, *agüeros*, и поселяне, *gancheros*, большею частію населяющіе Мексиканцы, потомки древнихъ Аспековъ; они говорятъ по-Испански, но кажешся, сохранили характеръ своихъ предковъ. Они народъ добродушный, услужливый, которымъ легко управлять; они заслуживаютъ достойнѣйшихъ правителей и наставниковъ, нежели Испанскіе креолы, которые теперь управляютъ ими.

Проѣхавъ около 3 легъ за небольшую деревню Окоше, стоящую въ каменистой, дурно обработанной странѣ, мы начали подниматься на горы, чрезъ которыя проложила себѣ дорогу рѣка Санъ - Яго, впадающая при Санъ - Бласъ въ море; она образуетъ цѣлый рядъ водопадовъ, которые въ дождливое время, говорятъ, очень величественны; теперь же были незна-

чипельны. Огромныя горныя ущелія, barrancas, въ которыя надобно спускашься вдоль необыкновенно крутыхъ скаповъ горъ, несказанно затрудняющъ путь, и соспавляющъ непреодолимое препяпствіе въ проложеніи проѣзжей дороги. Изсѣченная въ камнѣ тропа ведетъ зигзагами по стѣнѣ утеса; всадникъ касается ея правою ногою, а лѣвая виситъ надъ пропастью, на днѣ коей деревья въ 150 фузовъ вышины кажутся низкимъ кустарникомъ. Если лошадь оступится, то всадникъ погибъ; онъ долженъ положитьсь на вѣрный ходъ своего коня, или ѣхать на мулѣ, который, съ удивительнымъ искусствомъ, то скапывается, распянувъ ноги, то, почти можно сказать, по зрѣломъ размышленіи, оцупавъ переднею ногою, цѣпляется за твердый камень, и вдругъ поднимается. Если посмотрѣть снизу, какъ караванъ взби-

рается на спѣну утеса, по непонятнымъ кажется, какъ они могутъ держаться на ней, и невольно овладѣешь зрителемъ страхъ, чѣобы живошныя съ грузомъ и всадниками не полетѣли спремглавъ въ пропасть. Встрѣча двухъ каравановъ чрезвычайно опасна: надобно было случиться, чѣобы и мы подверглись такой опасности, и чѣобы, по милости Божіей, съ нами не случилось несчастія. Муловъ разгрузили, всадники сошли съ лошадей, и выюки надобно было спазить съ дороги, чѣобы возможно было подвинуться впередъ; это стоило несказанныхъ трудовъ и пошери времени.

Послѣ этого примѣчательнаго перехода, мы опять очутились въ открытой странѣ. Мы ѣхали скорою рысью по равнинѣ, производящей только группы кактусовъ. Вѣрный проводникъ нашъ, Донъ Карлосъ, пришло-

риваль свою лошадь; мы слѣдовали за нимъ; казалось, мы боялись горныхъ духовъ изъ спрашныхъ ущелій, или спѣшили къ какому нибудь важному событію. Вдругъ Донъ Карлосъ оборотился къ намъ, протянулъ руку впередъ, и закричалъ: *el coscho, el coscho!* Это была карета, копорую Г. Барронъ приказалъ выслать намъ на встрѣчу изъ Гвадалахары, а деревенька *Tequesquite* есть первое мѣсто, гдѣ спановишся возможнымъ ѣхать на колесахъ. Отъ Тепика до сего мѣста *аріеросы* счищаютъ 39 легъ, копорыя мы проѣхали въ пять дней. На продолжительномъ путешествіи изъ С. Пешербурга, мы въ экипажѣ на колесахъ доѣхали до Иркутска, и только здѣсь могли опять ѣхать такимъ же образомъ. На другой день отправилсь мы далѣе въ каретѣ, нѣсколько спаромодной, но очень удобной, запряженной восемью мулами; но-

вый проводникъ нашъ , Игнасіо Марпини, вооруженный, ѣхалъ на росломъ конѣ, по подлѣ насъ, по впереди, указывая дорогу, копорой , по настоящему, вовсе не было; она была усылана такими крупными камнями , что я удивляюсь, какъ Игнасіо далъ свою карету для такой ѣзды, и не могу понять, какъ благоразумному человѣку могла прійти странная мысль ѣхать здѣсь въ каретѣ, хотя природа ни въ какой другой землѣ не представляешь человѣку такихъ удобствъ для устройства проѣзжихъ дорогъ, какъ на горной равнинѣ въ Мексикѣ. При настоящемъ состояніи дороги, путешествіе верхомъ было бы пріятнѣе, безопаснѣе, удобнѣе и дешевле.

Двадцать пять легъ до Гвадалахары проѣхали мы въ два дня. Мы остановились у просторной venta, въ нѣсколькихъ легахъ отъ города, чтобы взять прикрытіе, потому что

близъ большихъ городовъ часто случаются разбои, почему и у веншы спіолять кавалерійскій пикешъ. Лучшія войска уведены были въ Техасъ, а для опі-
правленія гарнизонной службы, оставлены рекрушы, по наружности коихъ едва можно было догадаться, что они военнослужащіе. Пятѣро такихъ жалкихъ молодцовъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ, нѣсколько постепеннѣе, присоединилсъ къ намъ, въ видѣ охранной спиражи, и въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа поскакали подлѣ нашей кареты. Не доѣзжая верспѣ двухъ до городской застазы, *garita*, карета остановилась; *las tropas*, какъ нашъ Игнасіо называлъ эшу сволочь, спали во фроншѣ; унтеръ-офицеръ подѣхалъ къ каретѣ съ объявленіемъ, что мы теперь внѣ всякой опасности, и что намъ уже нечего бояться, если я не откажу ему въ приличномъ награжденіи. Эша рѣчь была до-

вольно опкровенна, и стоила вниманія; я думаю, Правительство, не въ состояніи будучи выплачивать жалованье эшимъ воинамъ, предоспавило путешественникамъ попеченіе удовлетворяеть ихъ, подъ видомъ награжденій.

Въ Мексиканскихъ городахъ нѣтъ воротъ, кшпорыа бы можно было запереть; la garita значить собственно караульню безъ караула; на наружной стѣнѣ, часовой только намалеванъ во весь росъ; заспавный писарь и таможенный чиновникъ, въ одномъ лицѣ, выходитъ изъ гариты, записываетъ имя и званіе проѣзжаго, спрашиваетъ, нѣтъ ли запрещенныхъ товаровъ, и если чиновникъ въ холспинной курткѣ, въ добромъ расположеніи духа, то довольствуется сдѣланными ему опвѣщами.

Неперпѣніе наше увидѣть эпомъ знаменишый городъ было удовлетво-

рено самымъ пріятнымъ образомъ, ибо съ безлѣсной равнины, по копорой идешь дорога, предместья видны въ значительномъ отдаленіи. Гвадалахара, съ церковными башнями и монастырями и множествомъ садовъ, представила живописный видъ; на небольшомъ возвышеніи надъ городомъ и позади его стоить Puebla San Pedro — дачи богатыхъ горожанъ — съ безчисленными садами, сквозь роскошную зелень коихъ едва виднѣются выбѣленные дома. Но намъ должно бы остаться на нашей почкѣ зрѣнія, чтобы не изгладить пріятнаго впечатлѣнія, ибо въ улицахъ городъ представляется въ весьма невыгодномъ видѣ, и совершенно похожъ на большія деревни, которыя мы гоповы были почестъ за города, потому что онѣ сами не имѣютъ приписанія на это названіе; напротивъ того, *второй городъ* республики мы охотно на-

звали бы большою деревнею, не смотря на то, что въ немъ 60,000 жителей.

Почти все города въ Мексикѣ построены по одному плану: улицы, совершенно прямыя, пересѣкающіяся подъ прямыми углами; соборная церковь стоитъ обыкновенно на обширной четырехугольной площади, plaza mayor, на которой строятся и значительнѣйшія зданія, между коими оплечаются домъ мѣстнаго управленія и рядъ лавокъ, portalis; по срединѣ площади, четырехугольное мѣсто обсаживается шѣнистыми деревьями. Въ Гвадалахарѣ соборъ стоитъ на небольшой площади, а въ Мексикѣ на этой площади нѣтъ аллей: это исключеніе. Дома, построенные изъ камня и жженой глины, рѣдко бывающъ выше двухъ этажей, и все кроюща совершенно плоскими, горизонтальными крышами, отъ чего городъ кажется

непривычному глазу еще недоспое-
нымъ. Это обспояшельство и осо-
бенность движенія на улицахъ, кото-
рое хопя и значительнo, но преиму-
щественно состоиптъ изъ транспор-
шовъ вьючныхъ ословъ и муловъ, или
птяжелыхъ пелѣгъ, запряженныхъ 6
и 8 волами; проѣзжающіе на ослахъ
поселяне, особенно пѣшеходы въ са-
момъ бѣдномъ одѣяніи, въ такихъ
лохмотьяхъ, что надобно удивлять-
ся искусству, съ какимъ умѣютъ на-
дѣвать ихъ; рѣдкое появленіе поря-
дочнаго экипажа, и еще рѣже прилич-
но одѣпаго пѣшехода — эта особен-
ность, это ошсупствіе изящества
и богатства на улицахъ, даетъ Гва-
далахарѣ болѣе видъ многолюднаго тор-
говаго селенія, нежели города, впора-
го въ республикѣ по богатству, на-
селенію и образованности. Но когда
глазъ привыкнешъ къ низкимъ спрое-
ніямъ безъ крышъ, къ проходящимъ

по улицамъ осламъ, муламъ, воламъ и всякой сволочи въ лохмотьяхъ; когда путешественникъ примется разсматривать городъ по частямъ, тогда онъ опдастъ дань удивленія величественности общественныхъ заведеній, красотъ, изяществу и великолѣпію церквей и монастырей; онъ не замедлитъ сознаться, что Гвадалахара достойна быть главнымъ городомъ столь важнаго Шшапа, какъ Халиско, и изъ всѣхъ городовъ республики наиболѣе заслуживаетъ вниманія. Зданія, каковы нынѣшній арсеналь, въ копоромъ, при Испанскомъ правленіи, воспитывались обоего пола дѣти бѣдныхъ родителей, съ 24 дворами; городской госпиталь, весьма сообразно устроенный на 1000 больныхъ; Академія Художествъ, гдѣ и теперь еще обучаются болѣе 300 воспитанниковъ, и гдѣ, до упраздненія конфедерации, въ 1834 году, собирався Конгрессъ

Штапа Халиско ; табачная фабрика, на кошорой изготавляется ежегодно до 60 милліоновъ papellitos , и ежедневно работаютъ болѣе 1000 женщинъ ; многія церкви и монастыри, въ особенноти соборъ величественной архипештуры, украшенный внутри съ большимъ вкусомъ и великолѣпїемъ , безъ сомнѣнїя , прекраснѣйшїй во всей Мексикѣ ; — эти зданїя обрашили бы вниманїе даже въ нашей сѣверной столицѣ, и тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманїя жителя Сѣвера, что въ нихъ владычествуетъ благотѣтельное влїянїе южнаго неба — просшоръ, обилїе цвѣтовъ, фонтановъ. Площадь, съ дворцомъ правительсва и рядами лавокъ, предсавляетъ живописный видъ. Alameda есть публичный садъ , который теперь хотя и запущенъ, но еще свидѣтельствуетъ о прежней своей красотѣ и величїи ; Paseo — 4 ряда высокихъ тѣнисныхъ

липъ и ясеней, которые вдоль канала обходящъ почти весь городъ, и составляютъ, по воскреснымъ днямъ, прогулку высшихъ сословій, собирающихся въ экипажахъ и на лошадяхъ. Циркъ для боя быковъ и шеатръ доставляютъ жителямъ разнообразное удовольствіе.

Коммиссіонеръ Г-на Баррона, тамошній купецъ, Донъ Мануэль Луна, позаботился для насъ о квартирѣ въ хорошей части города, на самомъ Ра-seo. Взойдя только на одну лѣстницу, имѣли мы четыре просторныя комнаты, но безъ мебели; голыя стѣны; полы, какъ во всей Мексикѣ, кирпичные; окна безъ стеколъ; балконъ на улицу, а на заднемъ дворѣ испанскій садъ. Вскорѣ явились къ намъ посланные отъ Дона Луны и предложили намъ свои услуги; попомъ представлялись намъ Сѣверо-Американецъ, пастолцій янки изъ Нью-Йор-

ка, Англичанинъ изъ Гибралтара и Ганноверецъ, люди услужливые и пріятные, изъ коихъ послѣдній въ особенности казался обязательнымъ, и дѣйствительно много содѣйствовалъ къ тому, чѣмбы содѣлать для насъ пребываніе въ Гвадалахарѣ, по возможности, сноснымъ. Извѣстіе о прибытіи Русскаго офицера и Русской дамы возбудило любопытство и Европейцевъ, и Мексиканцевъ; намъ сподло только показаться на балконѣ, чѣмбы изъ противостоявшихъ домовъ, потчасъ выманивъ жителей на балконы, и заставивъ чернь на улицахъ сполпиться въ кучи, и съ удивленіемъ глазѣть на даму, прибывшую отъ сѣвернаго полюса. — Во время прогулокъ по Paseo, за нами бѣгали и зѣвали на насъ; эшо было шакъ несносно, чѣмбы мы принуждены были отказать отъ прогулокъ пѣшкомъ,

и, по тамошнему обычаю, занимали карету.

Мы намѣрены были прожить въ Гвадалахарѣ только нѣсколько дней. Новые друзья наши изъ Европы и Донъ Мануэль повсюду сопровождали насъ, и показывали все достойное примѣчанія. Мы посѣтили театръ, чтобы удовлетворить своему любопытству, и посматрѣвъ эсцитическихъ твореній здѣшняго высшаго круга. Театръ просторенъ, но былъ слабо освѣщенъ; оркестръ очень хорошъ, а игра такъ забавна, что при представленіи трагедіи Орестъ, публика изъясляла свое удовольствіе громкимъ смѣхомъ. Въ партерѣ мужчины сидѣли въ своихъ Мексиканскихъ шляпахъ, и были большею частію закутаны въ плащи, zeparas, saras, tapgas, коихъ разнообразнѣйшія качества и цвѣта означали большое различіе соспояній, отъ поденщика до купца

и помѣщика. Не произошло ничего неприличнаго; аплодировали, смѣялись, высѣкали огонь, курили сигары — безъ малѣйшаго нарушенія приличій. Для насъ занимательны были дамы въ ложахъ, съ высокими какъ башни гребнями, и въ Европейскомъ нарядѣ, курившія свои *parellitos*, копорыя какъ жуки свѣтились въ устахъ, и не смотря на то, не помрачали огня черныхъ глазъ. Донъ Мануэль общалъ, чего мы очень желали, сводить насъ въ женскій монастырь, въ которомъ было 300 монахинь. Подъ его покровительствомъ прошли мы въ наружныя ворота, у которыхъ встрѣшила насъ настоятельница, и послѣ продолжительныхъ ухищровстей, объявила, что не можетъ впустить насъ во внутренніе покои иначе, какъ съ условіемъ, чтобы мы обязались безъусловнымъ ей повиновеніемъ. Исполненіе этого предложенія вѣроятно ка-

залось ей удобнѣе, нежели намъ; мы безъ успѣха оставили это неприспущное мѣсто.

Донъ Мануэль Луна такой оригиналъ, что я долженъ короче познакомить себя съ нимъ. Онъ Испанецъ, родомъ изъ Кадикса, и служилъ солдашомъ во время нашествія Французовъ: бывъ воспламененъ къ мщенію гибелью отца, сестры и шестерыхъ братьевъ, онъ принесъ въ жертву ихъ пѣнѣмъ не малое число враговъ. Но послѣ того, ничто уже не могло удерживать его долѣе въ Испаніи; онъ отправился за море, и уже 25 лѣтъ Мексиканскій гражданинъ. Не умѣя ни читать, ни писать, ведетъ онъ обширную торговлю, есть главный коммиссіонеръ всѣхъ Европейцевъ, имѣющихъ сношенія съ Гвадалахарою, знаетъ всю страну, и имя Луны повсюду употребляется для означенія человека честнаго, чрезвычайно распороп-

наго и оригинальнаго. Испанцы, иноземцы и Мексиканцы равно любящъ его, и онъ еспѣ одинъ изъ немногихъ, копорые избѣгли преслѣдованія за то, что они Испанцы, *gachupinos*, хотя онъ никогда не побоится сказать пару бранныхъ словъ на Мексиканцевъ и Французовъ. По его увѣренію, брань его основана на опытѣ, и если бы хотя десятая доля ея была справедлива, то эти двѣ націи можно бы было назвать самыми недостойными на Земномъ Шарѣ. Но Донъ Мануэль полезенъ, услужливъ, имѣетъ 300,000 піастровъ, открытъ домъ и всегда множество гостей за столомъ: какъ не простить ему выходокъ дурнаго расположенія духа, тѣмъ болѣе, что всегда одна часть общества можетъ припомъ позабавиться на счетъ другой! Почетныя лица Штата и города собирающа къ нему обѣдать; покойный Вице - Президентъ, Генераль

Бараганъ , состоялъ съ нимъ въ дружескихъ связяхъ; ему во всякое время открыты всѣ дома, и онъ дѣлаетъ и принимаетъ посѣщенія въ той же одеждѣ, въ которой спитъ въ своей лавкѣ: въ сѣрой лѣпшей курткѣ, широкихъ панталонахъ съ краснымъ кушакомъ по поясу, безъ галстука, и въ войлочной шляпѣ съ широкими полями.

Опасная болѣзнь нашего сына заставила насъ продлить наше пребываніе въ Гвадалахарѣ. Ребенокъ лежалъ при смерти; мать не отходила отъ него, и мысль, что мы и этого впураго дышащаго лишимся вдали отъ отчизны, терзала насъ. Учасіе, оказанное намъ въ это печальное время Дономъ Мануэлемъ, Европейскими знакомцами и особенно Ганноверцемъ, Г-мъ Франке, было для насъ несказанно пріятно; хозяйка дома, въ которомъ мы жили, Испанка, пособляла

женѣ моеѣ ухаживать за больнымъ, а врачъ, донъ Тамесъ, Мексиканецъ, былъ очень услужливъ; и принималъ участіе въ нашей печали. Опасность миновалась, и, кромѣ милоспи Божіей, обязаны мы еще искусству и раченію врача выздоровленіемъ нашего сына. Если докторъ Тамесъ былъ столь же благоразумный и дѣятельный губернаторъ, какъ искусный врачъ (пока конфедерація еще существовала, онъ сдѣлался губернаторомъ Шпата Халиско), то должно жалѣть о странѣ, которая лишилась сего достойнаго мужа.

Ты легко можешь представить себѣ, любезный другъ, что въ расположеніи духа, въ какомъ тогда были, мы не могли принять участія въ карнавальныхъ увеселеніяхъ. Мы едва выходили изъ дому, и только взглядывали на балконъ, чтобы нѣсколько разсѣяться видомъ живаго движенія

на улицѣ Разныѣ фокусники съ шумною музыкою, сопровождаемые толпою черни, проходили по вечерамъ мимо нашего дома, къ великому увеселенію нашихъ островитянъ съ Уналашки; или народъ спѣшилъ на бой быковъ или пѣшуховъ, для котораго проводили и проносили мимо насъ сотни гордыхъ бойцевъ; далѣе показывалось шествіе церковной процессіи съ Католическимъ великолѣпіемъ, и свистящія ракеты возвѣщали возвращеніе ея въ церковь; въ Воскресенье, многочисленная толпа пресупниковъ, гремя цѣпами, тащилась на Пасео, для поливки земли, чѣобы не было пыли, а въ пяты часовъ по полудни поѣхалось туда высшее общество въ экипажахъ и верхомъ, чѣобы показать себя и лошадей. Рано упромъ поселяне съ навьюченными ослими, поденщики и женщины, съ товаромъ своимъ на головѣ, плодами, глиняною

посудою, сладостями (*dulces*) — шли и кричали на распѣвъ; или нищѣ съ корзинами, наполненными букетами прекраснѣйшихъ цвѣтовъ, копорые они раздавали за милоспыню; все это чрезвычайно оживляло улицу.

Проживъ въ Гвадалахарѣ двѣнадцать дней, мы, съ позволенія врача, могли отправишься далѣе, хотя нашъ больной былъ еще очень слабъ. Въ наемной каретѣ на мулахъ, копорые не перемѣняются, совершающъ перѣздъ до Мексики въ пятнадцать дней, а въ дилижансѣ въ шесть дней: девятидневная разность побудила насъ предпочесть дилижансъ. Между Веракрусомъ и Мексикою учреждены дилижансы уже нѣсколько лѣтъ; но по сию спорону, Мексики до Гвадалахары, только за три мѣсяца. Экипажи, упряжь и кучера изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и соотвѣтствующъ пребываніямъ путешественниковъ; лоша-

димѣняющіяся на каждаго чепырехъ миляхъ (leguas), красивы и рослы; до наступленія темноты останавливаются на опредѣленные ночлеги, гдѣ путешественникъ находитъ постель, пищу и всѣ удобства, копорыя до того были вовсе неизвѣстны въ этой странѣ; экипажъ съ кучеромъ поочасъ возвращается, и путешественники продолжаютъ путь въ другомъ дилижансѣ, до слѣдующей ночи. За мѣсто въ каретѣ (внѣ ея есть только одно мѣсто, подлѣ кучера) платятъ 70 піаспировъ до Мексики; разстояніе составляетъ 175 легъ.

Пріятель нашъ, Донъ Мануэль Луна, имѣлъ намѣреніе ѣхать съ нами въ Мексику; но губернаторъ дружески объявилъ ему, что въ слѣдствіе повелѣній Сантаны, добрые граждане вѣрныхъ Шпатовъ должны дать денегъ на войну въ Техасъ, и что по-тому Донъ Мануэль не иначе можетъ

получить паспортъ, какъ ссудивъ Правительству 35,000 піаспровъ. Онъ опложилъ пушешествіе. Къ счастью, въ шестимѣстной каретѣ былъ у насъ только одинъ спутникъ, Австріецъ, пріѣхавшій по торговымъ дѣламъ изъ Санъ - Луи Потози, для собранія долговъ; и возвращавшійся безъ успѣха, человекъ пріятный, вѣжливый и услужливый.

Въ пять часовъ утра мы сидѣли уже въ дилижансѣ, который поспѣшнѣе отправился съ быспроотою, удивившею и почти испугавшею насъ, ибо въ этой странѣ безъ дорогъ, лѣнивому Мексиканцу и его муламъ скорая ѣзда кажется невозможностію, и по справедливости. Но нашъ Сѣверо-Американецъ погонялъ четырехъ быстрыхъ коней съ такою неуспрашимостію, и правилъ ими по пнямъ и камнямъ съ такою ловкостію, что мы лепѣли по едва проѣзжей дорогѣ,

какъ по лучшему шоссе въ Европѣ. Пока мы не удостовѣрились въ неимовѣрной прочности дилижанса, намъ казалось, что онъ неминуемо разлепится въ тысячу кусковъ, и ежеминутно опасались, что онъ опрокинется. Я два раза ѣздилъ изъ Пепербурга въ Иркутскъ, и одинъ разъ изъ Иркутска въ Пепербургъ, и довольно знакомъ съ опасностями лѣшняго путешествія сухимъ путемъ; но мнѣ еще не случалось видѣть ничего подобнаго ѣздѣ въ дилижансѣ изъ Гвадалахары; казалось, что кучеръ бѣжалъ изъ дома сумасшедшихъ, и пассажиры обречены на гибель. Но судьба была къ намъ благопріятна, и мы достигли Мексики, не испытавъ ни малѣйшаго приключенія, хотя съ учрежденія дилижансовъ рѣдко проходитъ недѣля, чтобы не было рассказовъ объ опрокинутомъ дилижансѣ и ушибенныхъ пассажирахъ.

Окрестности были не такого свойства, чтобы пріятными видами хотя нѣсколько вознаградить насъ за эту адскую ѣзду; первые два дня дорога шла на сѣверъ по безлѣсной, пустой, дурно воздѣланной странѣ; съ немногими дрянными деревушками. Въ первый день проѣхали мы черезъ каменный мостъ на аркахъ, la puente de Calderon, сдѣлавшійся знаменитымъ въ лѣтописяхъ памошней войны, въ 1811 году, совершеннымъ пораженіемъ инсургентовъ подъ командою Дона Мигуэля Гидальо; 'разсказываютъ,' что тутъ побито болѣе 20,000 Индейцевъ, которые, повинувшись Гидальо, бросились на пушки, чтобы шляпами зашкнущь ихъ жерла. Спутникъ нашъ жалѣлъ, что не все народонаселеніе, 6 милліоновъ Мексиканцевъ, было тутъ побито, ибо нельзя было оказать лучшей услуги человѣчеству: надобно только подумать, говорилъ онъ, что

эпи мошенники Мексиканцы никогда не плашашъ долговъ честнымъ Европейскимъ купцамъ, грабятъ и обманываютъ, и не смотря на то, не умѣютъ пользоваться землею. Это дурное расположеніе духа и на ночь не покинуло нашего Австрійца. Изъ Лагоса пришелъ дилижансъ съ пассажирами, изъ коихъ одинъ, братъ военнаго министра Мексики, всю ночь продекламировалъ о своемъ патриотизмѣ, рассказывалъ любовныя похождения, однимъ словомъ, никому не далъ покою; это такъ раздражило нашего спутника, что на слѣдующее утро, когда уѣхалъ дилижансъ изъ Лагоса съ говорливымъ Мексиканцемъ, онъ громко закричалъ ему, что первой церкви принесетъ въ даръ 100 піастровъ, если опрокинется дилижансъ и укоротитъ дни брата военнаго министра.

Посреди каменной и песчаной степи споймъ городъ Санъ - Хуанъ де

Лосъ - Лагосъ. Здѣшняя церковь, одна изъ богатѣйшихъ и красивѣйшихъ въ Мексикѣ; и въ нее приходятъ богомольцы изъ отдаленнѣйшихъ краевъ республики. Въ Декабрѣ сходяпся сюда болѣе 40,000 человекъ, и располагаются лагеремъ; при этомъ случаѣ бываетъ ярмарка, на которой въ теченіе двухъ недѣль, приводится въ оборотъ болѣе 50 милліоновъ піаспровъ торговли и азардными играми. Побѣдавъ очень дурно, и осмопрѣвъ знаменитую церковь, мы на вторую ночь прѣехали въ красивый городъ Лагосъ, стоящій въ плодороднѣйшей странѣ, нежели песчаные холмы и голыя скалы Санъ-Хуана. Сюда выходитъ дорога изъ горнаго округа Сакатекаса и Дуранго, съ сѣвера, въ Мексику, и въ дилижансѣ только что прибыло шесть пассажировъ; изъ коихъ четверо желали продолжатъ путь съ нами; намъ посчастливилось до-

быть карету, въ которой могло помѣститься умножившееся число нашихъ спутниковъ, безъ особеннаго для насъ безпокойства. Такъ какъ по воскреснымъ днямъ дилижансы здѣсь не ходятъ, то мы принуждены были остановиться на день, и сынъ нашъ, еще не оправившійся, могъ отдохнуть. Хозяинъ гостиницы, Испанецъ, служилъ офицеромъ въ экспедиціи Малеспины, и много рассказывалъ про Алеуповъ и Русскихъ, которыхъ видѣлъ на С. З. берегу Америки; но эпизодъ общій интересъ новаго знакомства нашего не помѣшалъ ему позаботиться о своемъ собственномъ, и потребовать съ насъ 24 піастра (104 р.) за двѣ noci и одинъ день.

Въ числѣ новыхъ спутниковъ нашихъ былъ Мексиканецъ, богатый помѣщикъ изъ Шшапа Сакашекасъ, кавалерійскій полковникъ національной милиціи Шшапа до упраздненія конфедераціи.

Онъ былъ молчаливъ, скромнъ, но, по прекрасному солитеру въ перснѣ замѣтно было, что у него есть побольше широкой шляпы и простой лѣпней куршки. Онъ рассказывалъ, что губернаторъ Сакатекаса образовалъ отличнымъ образомъ національную армию, и въ особенності кавалерію, и тѣмъ возбудилъ въ Президентѣ Сантанѣ опасеніе, чтобы личное вліяніе его не пошерпѣло отъ того, если прочіе Штаты, послѣдовавъ сему примѣру, также придуть въ самостоятельное положеніе. Жадность Сантаны къ деньгамъ вѣроятно также содѣйствовала къ уничтоженію конфедераци, ибо, такимъ образомъ, вновь открытый рудникъ въ Фрезенильо достался въ распоряженіе центрального правленія въ Мексикѣ, или, лучше сказать, сдѣлался собственностію Сантаны. Этотъ серебряный рудникъ, самый богатый въ цѣломъ Свѣтѣ,

даєть еженедѣльно 50,000 піастровъ, слѣдствѣнно по милліону рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ Правительству достіаается только пятая часть, а $\frac{4}{5}$ употребляющіяся на разработку рудника! Чего не сдѣлаєть патриотъ республиканецъ, чтобы не допустить такихъ богатствъ въ общественную казну, изъ предосторожности, чтобы Правительство не оказалось благонадежнымъ! По крайней мѣрѣ, въ Мексиканской республикѣ патриотизмъ гражданъ обнаруживается самымъ разительнымъ образомъ наглоспійю, съ какою всѣ государственныя чины, отъ Президента до береговаго смотрителя или писца въ судѣ, всячески грабятъ казну.

Фамилія милиціоннаго полковника, Флореса аль-Торре, ведеть начало съ завоеванія Мексики. Родоначальникъ его, Флоресь, офицеромъ прибылъ туда съ Геррерою, и въ одномъ сраже-

ніи съ Мексиканцами получилъ отъ генерала предписаніе взять башню: Геррера, указывая ему на башню одного кацика, закричалъ: Flores! al torre! Флоресъ бросился на нее и вскорѣ возвратился къ Геррерѣ съ полоненымъ кацикомъ. Съ того времени, гербъ его изображаетъ башню и кацика въ цѣпяхъ, и фамиліи дано названіе al torre. Флоресъ распался съ нами въ Керетеро, гдѣ ему приходилось получить по наслѣдству 54,000 піаспровъ. Изъ спутниковъ для насъ былъ особенно занимателенъ Нѣмецъ, Г-нъ Шшейнъ, человекъ образованный и пріятный, извѣстный въ Мексикѣ какъ отличнѣйшій минералогъ, котораго Правительство пошребовало въ Мексику, чтобы обработать у него мнѣніе объ управленіи Фрезенильоскимъ рудникомъ.

Дорога наша шла чрезъ городокъ Лсонъ, коего жители извѣстны по

плюшовству. Городъ наполненъ и окруженъ плодовыми садами и огородами, копорые обводятся изгородами изъ кактусовъ, подобныхъ колоннамъ; это придаетъ имъ особенный видъ, коего прелестъ возвышается длинными аллеями деревъ, весьма красивыхъ; называемыхъ *del Peru*. Это дерево напоминаетъ нашу березу, но листъ крупнѣе, зелень очень темная, и пурпуровыя ягоды, чрезвычайно ядовитыя, висятъ во множествѣ большими кистями. Опъ Леона начинается, такъ называемая, Бахіо, самая плодородная и наилучше воздѣланная страна въ Мексикѣ. Это площадь на высотахъ, плоская, обширная равнина, простирающаяся до Керетеро, ограничиваемая слѣва знаменитыми горными рудниками Гванахуато, справа, въ большемъ отдаленіи, горами, замыкающими бассейнъ рѣки Сантіаго. Бахіо такъ равна, какъ билліардъ; почва состоитъ

изъ превосходнаго чернозема; пахатныя поля, огороды; сахарныя плантаціи, прозрачныя рощи мимозъ, покрывающъ эту прелестную долину; многочисленное населеніе живетъ въ значительныхъ деревняхъ, загородныхъ домахъ (haciendas) и городахъ. Эта житница горныхъ округовъ была наспоющимъ позорищемъ войны, коей печальныя послѣдствія и теперь еще замѣшны въ разрушенныхъ селахъ и помѣстьяхъ. Дорога идетъ мимо самаго мѣстечка Валенсіаны, знаменитаго по горнымъ промысламъ, коего зданія мы могли видѣть. Переночевавъ въ красивомъ городкѣ Ирануашо, мы проѣхали чрезъ другой, Саламанху, коего жители также славятся плутовствомъ; потомъ показывали намъ вѣжо отъ дороги стоящія въ нѣкоторомъ отдаленіи селенія Санъ-Мигель и Долоресъ, гдѣ тамошній священникъ, Гидальго, сдѣлалъ воззваніе

къ бунту, и нанесъ первый ударъ, который въ послѣдствіи совершенно отпорвалъ колоніи ошъ мепрополіи. Города слѣдуютъ одинъ за другимъ въ небольшихъ разстояніяхъ: Зелая, пріятное мѣсто съ красивою площадью; украшается церковью и мостомъ, которые славятся въ республикѣ изящною архитектурою. Эль-Пасео, миловидный городокъ, окруженъ обширными плодовыми садами и огородами, и окрестности отлично воздѣланы. Къ ночи пріѣхали мы въ окруженный городъ Керетеро, живописно расположенный: у подошвы горы, и заключающій въ себѣ много большихъ зданій, церквей, монастырей, и очень красивую площадь. Закрывъ суконныя фабрики, многіе изъ лучшихъ домовъ, стоящіе впусъ, напоминаютъ о прежней торговлѣ и благосостояніи города, коего жители явили себя вѣрными подданными во время рево-

люціонной войны. Большая часть самых зажиточных въ послѣдствіи выѣхали изъ Керетеро; гдѣ изъ 40,000 осталось теперь только 17,000 жителей; промышленность и торговля исчезли, а новый порядокъ въ Мексикѣ также не таковъ; чтобы вновь поднять ихъ. Госпиница дилижансовъ просторна; успроена прилично и удобно. Здѣсь опспали опъ насъ Флоресъ-аль-Торре и знакомецъ нашъ Авспріецъ; послѣдній опсправился въ Санъ-Луи-Пошози; куда также ходятъ дѣйлижансы. Въ Керетеро оканчивается Бахіо; надобно, подниматься на высоты; городъ опспаеся въ долину; каменный водопроводъ на мелкихъ сводахъ: шпанеся чрезъ равнину къ горамъ: все это предспавляетъ прелеспный видъ. Далѣе страна спановится гористою, дорога камениста; куда ни обратишь взоръ, вездѣ потухшіе краперы и вулканическіе опспатки. Однако же про-

мышленость человека побуждаетъ и эту недружелюбную природу, и до городка Санъ-Хуанъ дель-Ріо смѣняющіяся сады и поля съ пустыми пространствами. Но далѣе исчезаетъ освѣжающая зелень, дорога сшановипіся болѣе и болѣе неровною; надобно подниматься все выше и выше, и Тула, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ, стоишь уединенно, въ невоздѣланной степи. Вскорѣ видъ опять измѣняется: обширныя плантаціи агавы и помѣстья служащія признакомъ многолюдія; видъ большаго озера Тескуко, и воздымающихся за нимъ до небесъ исполинскихъ горъ Попокатепетль и Истаццигуаль, съ снѣжными вершинами, тѣмъ болѣе привлекаютъ вниманіе, что путешественникъ, по знаменитой плоской возвышенности Анагуакъ, приближается къ вратамъ столицы Монтезумы. Когда мы подъѣхали къ Мексикѣ, было уже темно,

по дорогѣ мало народу, и городъ скрывался опятъ взоровъ нашихъ; дилижансъ остановился, и таможенный чиновникъ у будки принялся досматривать наши вещи. Когда это кончилось, поѣхали мы въ гостиницу дилижансовъ, по хорошо освѣщеннымъ улицамъ, наполненнымъ народомъ.

При входѣ въ залу гостиницы, мы могли удостовѣриться, что находимся уже гораздо ближе къ Европѣ, нежели наканунѣ, тѣмъ болѣе, что хозяинъ, услужливый Италіянецъ, привѣтствовалъ насъ на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, кромѣ Русскаго. Но не Европа могла удовлетворить наше любопытство, и тебѣ покажется естественнымъ, любезный другъ, что таинственный мракъ, облекавшій городъ, въ высочайшей степени напрягалъ наши ожиданія. Привлекательныя сказанія путешественниковъ о Мексикѣ и окрестностяхъ,

несмѣшныя богатства церквей и монастырей, чудесность ея древней-Исторіи, все способствовало къ тому, чтобы въ самой юности соизобразить въ моемъ воображеніи картину, коей прелесть возрастала столь же сильно, какъ и невѣроятность увидѣть когда либо этакъ волшебный городъ. Наконецъ мы стояли передъ завѣсою, которая скрывала отъ насъ зрѣлище, и не могли поднять ея! Звонъ колокольчиковъ вызвалъ насъ на балконъ; прислушавшіеся заспавили насъ спать на колѣни: къ больному несли по улицѣ Причастіе, причемъ на улицѣ и въ домахъ всѣ преклоняютъ колѣни, и караулы спановятся подъ оружіе, и отдаютъ честь. Потомъ зашихло, ибо улица, въ которой стоялъ гостиница, не проходная, и по ней нѣтъ большаго сообщенія. Мы имѣли нужду въ одыхахъ, и утѣша-

лись намѣреніемъ воспользоваться, какъ можно лучше, слѣдующимъ утромъ.

Хотя болѣзнь нашего сына, продолжавшаяся двѣ недѣли, задержала насъ въ Мексикѣ цѣлый мѣсяцъ, однако же мы не могли посвятить всего времени исключительно осмотру всего достопримѣчательнаго, и только мелькомъ обозрѣвали предметы, которые заслуживаютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія; посему не ожидай отъ меня описанія Мексики, и прими снисходительно немногія и неполныя свѣдѣнія о нашемъ здѣсь пребываніи.

Письма Г. Баррона къ пріятелямъ его въ Мексикѣ, доставили намъ знакомство со многими семействами, изъ коихъ въ особенности Англійскій Посланникъ Г. Пакенгамъ и Англійскій Генеральный Консулъ Г. О'Горманъ, съ своею любезною супругою; заботились о томъ, чтобы сдѣлать для насъ пребываніе въ Мексикѣ пріят-

нымъ. Я представился также Прусскому Генеральному Консулу, Г. фонъ Герольшу, который какъ будто почелъ обязанностію, въ этой чужой споронѣ, содѣйствовать намъ словомъ и дѣломъ; онъ ввелъ насъ во многіе Нѣмецкіе дома, и къ Французскому Посланнику; Барону де Дефодису, и мы пользовались его занимательнымъ обществомъ такъ часто, какъ позволяли его дѣла. Нѣмецкія фамиліи живутъ здѣсь въ тѣсной связи, составляютъ общества, и ведутъ веселую жизнь; у Мексиканцевъ пользуясь они доброю славою, и заслужили отъ нихъ болѣе довѣрія, нежели другіе Европейцы. Въ кругу сихъ обществъ, провели мы нѣсколько пріятныхъ вечеровъ, а для разнообразія, посѣщали Италіянскую оперу. По наступленіи пошта, всѣ увеселенія должны были прекратиться, и театръ слѣдовало бы закрыть; но требованія иностран-

цевъ, а кажется еще болѣе финансовыя причины, побудили Правительство сдѣлать исключеніе въ пользу Испаліанской оперы: хотя недостаетъ денегъ на выдачу жалованья чиновникамъ, на содержаніе госпиталей, на заведеніе школъ и т. п., но опера выдается въ пособіе изъ казны 20,000 піаспровъ въ годъ. Впрочемъ, артисты этой оперы соответствовали ожиданіямъ меломановъ-Мексиканцевъ на счетъ превосходства заморскаго пѣнія. Въ театрѣ имѣли мы случай наблюдать Мексиканскую публику; и имѣли охотнѣе воспользовались имъ, что въ частныхъ домахъ, которые мы посѣщали, рѣдко показывались Мексиканцы, хотя бы и хозяйка дома была тамошняя уроженка. Политическія обстоятельства препятствуютъ развитію общественной жизни между Мексиканцами; духъ партій и боязнь руководствуютъ ими,

и умственная жизнь подавляется прежде нежели успеетъ разцвѣсть. — Женщины прѣзжаютъ въ оперу въ великолѣпномъ нарядѣ; въ глубинѣ ложъ рѣдко гдѣ пѣлась сигара; за то мужчины, хотя и не закутанные въ серапы, сильно курили. Вліяніе Европейцевъ на нравы и обычаи обнаруживалось здѣсь болѣе, нежели въ Гвадалахарѣ, что и естественнo; поэтому, особенностей Мексики должно искать преимущественно въ наружности города, улицахъ, зданіяхъ, окрестностяхъ.

Съ перваго взгляда, Мексика представляется столицею богатаго, обширнаго государства. При той же правильности въ расположеніи, какая замѣчается въ другихъ городахъ, на примѣръ Гвадалахарѣ или Керетеро, разница однако же очевидна. Совершенно прямыя улицы перерѣзываютъ городъ отъ одного конца до другаго; многія

изъ нихъ имѣютъ отъ четырехъ до пяти верстъ протяженія, по ровной плоскости, и такъ какъ равнина со всѣхъ сторонъ окружена горами, то каждая улица замыкается высокою горою; которая, по причинѣ разрѣженія атмосферы на высотѣ 7000 футовъ надъ поверхностію моря, кажется стояща гораздо ближе, нежели на самомъ дѣлѣ. Немногія зданія выше трехъ этажей, но построены въ высокомъ стилѣ, и между ними попадаются дворцы, напримѣръ домъ Императора Ишурбиде, національный дворецъ, университетъ, а преимущественно прекрасная манарія, горная академія, коей построеніе еще не кончено со времени Гумбольдта, потому 35 лѣтъ назадъ. Можно было бы сдѣлать длинный списокъ церквей и монастырей, заслуживающихъ вниманіе внутреннимъ украшеніемъ и богатствомъ или наружнымъ видомъ. Соборная цер-

ковъ поражаетъ огромностію и го-
пическою архитектурою, и пред-
ставляетъ прекрасный видъ на об-
ширной площади, особенно при лун-
номъ сіяніи. Внутри она слишкомъ
загромождена, но взамѣнъ этого не-
достатка, обладаетъ она такимъ со-
кровищемъ благородныхъ металловъ
и драгоценныхъ камней, что надобно
его видѣть, чтобы имѣть о немъ
понятіе. По обязанности Г-жи
О'Горманъ, коей духовникъ главнымъ
священникомъ въ соборѣ, намъ уда-
лось осмотрѣть это сокровище. При
великой нестерпимости здѣшняго ду-
ховенства и народа, чужестранцу
трудно получить доступъ въ ризни-
цу, и это въ особенности воспреще-
но женщинамъ; даже съ дозволенія
падре, жена моя осмѣлилась войти въ
церковь не иначе, какъ въ сопровож-
деніи Г-жи О'Горманъ, закушавшись,
по обычаю Мексиканокъ, въ черную

манпилью, и съ огромнымъ гребнемъ. Долженъ признаюсь, что меня необычайно поразилъ видъ распавленныхъ въ ризницѣ, съ опличнымъ вкусомъ сдѣланныхъ сосудовъ, символическихъ украшеній, подсвѣчниковъ, посоховъ, изъ чистаго золота, усыянаго прекраснѣйшими брилліантами, блестящими какъ солнце, превосходнѣйшими смарагдами и рубинами. Государственное сокровище, которое я видѣлъ въ Лондонской башнѣ (Tower), должно было казаться здѣсь маловажнымъ. Нельзя превозмочь себя, чтобы не провести нѣсколькихъ часовъ въ удивленіи передъ этимъ земнымъ блескомъ въ храмъ Творца. — По лѣвую сторону собора стоить построенная Коршесомъ часовня; съ другой стороны вѣланы въ стѣну знаменитые часы Монпесумы — камень въ десять квадрашныхъ футовъ, на ко-

поромъ изсѣченъ древній Мексиканскій солнечный кругъ.

Національный дворецъ, занимающій самую длинную сторону четырехугольной площади, въ два этажа, не имѣешь ничего отличнаго, но замѣчашеленіемъ, что построено на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ стоялъ некогда дворецъ Мексиканскихъ Императоровъ Аспековъ. Въ немъ помѣщаются не только различные департаменты по всѣмъ отраслямъ управленія, залы собраній Палаты Депутатовъ и Сената, но также пороховая и оружейная кладовая, даже тюрьма. Зала депутатовъ, построенная полукружіемъ, стоитъ вниманія по изяществу украшеній и сообразности расположенія. На стѣнахъ начертаны золотыми буквами имена героевъ Мексики. Итурбиде былъ исключенъ изъ этого списка, но, по уничтоженіи федеративной системы,

опять помѣщенъ ; въ то же время появилась большая картина, писанная масляными красками, и представляющая сраженіе Санпаны съ Испанцами подъ Веракрусомъ. Между воинами Мексики опличается предъ всѣми Випторіа своею снранною участію. Будучи самымъ ожесточеннымъ врагомъ Испанцевъ, онъ велъ въ Шпашъ Веракрусъ партизанскую войну. Когда Испанцамъ удалось на пѣскольکو лѣтъ возстановить свое владычество, Випторіа принужденъ былъ бѣжать въ дремучіе лѣса Оризабасскихъ горъ, гдѣ скипался два года, не имѣя сношеній ни съ однимъ живымъ существомъ. Онъ питался лѣсными плодами, коихъ сборъ стоилъ ему невѣроятныхъ трудовъ, пѣмъ болѣе, что онъ сдѣлался боленъ. Въ этомъ положеніи, лежа на сырой землѣ, думалъ онъ, что настала часъ смерти; вдругъ спустился на него коршунъ, el zapalote,

сѣлъ къ нему на грудь, и клянулъ его въ рошѣ. Ужасъ объялъ Вишпорію: онъ собралъ послѣднія силы, схватилъ рпомъ коршуна, опкусилъ ему голову и высосалъ изъ него кровь; это пакъ подкрѣпило его, что онъ могъ продолжатъ свой путь. Въ послѣдствіи спасли его Индѣйцы, и теперь Вишпорія живетъ въ Мекеникѣ въ качествѣ сенашора. Печальный опытъ разочаровалъ этого человѣка, который, по примѣру многихъ другихъ, ему подобныхъ, бывъ подстрекаемъ заблужденіями, и жертвуя жизнью, трудился надъ ниспроверженіемъ законнаго порядка, и въ ослѣпленіи страстей мечталъ о свободной, на добродѣтеляхъ основанной, республикѣ. Хотя ожесточеніе Мексиканцевъ противъ Испанцевъ въ настоящее время столь сильно, и опасеніе прежнихъ ограниченій въ торговлѣ и промышленности столь велико, что нельзя

помышлять о соединеніи вновь съ несчастною, раздираемою метрополією, однако же, съ другой стороны, очевидна склонность образованнѣйшихъ и здравомыслящихъ жителей, придать правительству болѣе силы сосредоточеніемъ власти, и вручить бразды правленія кому либо одному, того достойному. Но между всеми классами и сословіями здѣшнихъ креоловъ распространилась столь явная и всеобщая безнравственность, что этого одного невозможно найти, и такимъ образомъ машина правленія болѣе и болѣе разстроивается, часто вовсе останавливается, и предоставляетъ гражданство произволу судьбы. Въ прекрасно убраной Палатѣ Депутатовъ, представители націи собираются, кажется, только для того, чтобы пощеголять краенорѣчіемъ и высокопарною декламаціею, и притомъ до безконечности затрудняя ходъ

дѣль. Такъ называемая оппозиція должна была наблюдать за дѣйствіями правительства, а она налагаетъ на него цѣпи, уничтожаетъ его власть; и стремится только къ тому, чтобы на счетъ государства ушолить жадность своихъ членовъ къ деньгамъ. Государственная казна истощена; правительство часно принуждено брать дѣлающіе займы у торговыхъ домовъ, и платящіе по четыре процента въ мѣсяць! Только военные и высшіе государственные чины получаютъ жалованье, а гражданскимъ чиновникамъ предоставлено удовлетворять себя противузаконными присѣсненіями, и такимъ образомъ исполненіе правосудія, управленіе финансами, таможи, горные округа, однимъ словомъ, все государство предано множеству безсовѣстныхъ чиновниковъ, которые грабятъ его по службѣ, *ex professo*! — Замѣчательно, что при

этой безнравственности чиновников вообще, при осуществлении всяких правил в высших классах, простой народ отличается добродушием и крепостью нрава. В народных собраниях, на рынках, на публичных гульбищах, на зрелищах боя быков, и т. п., никогда не случается неблагопристойностей, драки или воровства; простолюдник соблюдает величайшую учтивость, кланяется, дает дорогу, и содействие полиции, для сохранения порядка, вовсе излишне в таких случаях. В непрезвом виде, в винных лавках, нередко случается, что один Мексиканец на другого вынет свой большой нож, который всегда носит с собою; они и исколют друг друга, и мерзвое шло выбросит на улицу, как будто не случилось ничего особенного; об убийствах и воровствах в город и окрестностях рассказывают

ежедневно. Убийства въ кабакахъ или пулькуаріяхъ должно приписатьъ дѣйствию крѣпкихъ напитковъ, занимающихъ разсудокъ, но воровство производился подѣ защипою какого нибудь значительнаго чиновника. Во время нашего пребыванія въ Мексикѣ доказано было, что большая шайка воровъ нѣсколько лѣтъ. опправляла свое ремесло подѣ покровительствомъ одного Полковника, адъютанта Вице Президента; ты подумаешь, что опкрытие положило конецъ его промыслу и службѣ? Ни мало: Полковникъ былъ любовникъ сеспры Саипаны, кошорая публично продаетъ мѣста; допусти его на висѣлицу — это было противно нѣжнымъ ея чувствамъ; по сему судья, въ рукахъ коего находились доказательства, наскоро былъ оправданъ собственною женою, а для удовлетворенія публики повѣсили пару простыхъ мошенниковъ. Но полно.

объ эпомъ: Палапа Депутатовъ завлекла меня слишкомъ далеко. Лучше осмояримся еще нѣсколько.

Музеумъ, собраніе Мексиканскихъ древностей и кабинетъ Натуральной Истории, заключающъ въ себѣ предметы чрезвычайно занимательные, не смотря на то, что непрерывно подвержены самому безсовѣстному грабежу. Исѣченные изъ камня гигантскіе кумиры древнихъ Мексиканцевъ, съ символическими знаками, и небольшія головы и фигуры, весьма искусно сдѣланныя изъ обсидіана, своими формами и украшеніями напомнили мнѣ работы нашихъ Сибирскихъ Колюшей изъ глинистаго сланца. Даже обыкновенное у Мексиканцевъ окончаніе на эгль — Попокатепетль, Мексикль — мы конечно часто замѣчали у Колюшей, напримѣръ Наушкетль. Мнѣ кажется, стоило бы труда продолжать основательно это сравненіе.

Такъ называемый Ботаническій Садъ есть запущенное, маловажное заведеніе, въ которомъ вовсе нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ неполнаго собранія кактусовъ и знаменитаго ручнаго дерева, которое найдено тушъ при завоеваніи Мексики, и долгое время было почитаемо единственнѣйшимъ въ своемъ родѣ, нынѣ же найдены цѣлые лѣса въ Гвашиналѣ. Извѣстно, что этому дереву дано названіе по виду цвѣтовъ его, уподобляющемуся разверстой рукѣ; листья его похожи на кленовые.

Для обозрѣнія достопримѣчательностей, избирали мы обыкновенно время послѣ утренней прогулки въ Аламедѣ. Въ этомъ обширномъ, хорошо расположенномъ, тѣнистомъ саду, широкія аллеи, круги, фонтаны; по сторонамъ аллей прекрасные розовые кусты, которые въ то время цвѣли; тамъ такая прохлада, такое

благоуханіе, которыя нѣжашъ тѣло-
тѣмъ болѣе, что въ это сухое время
года чрезвычайно рѣдкій горный воз-
духъ и непрестанное солнечное сія-
ніе для иностранца пылосны, и онъ
чувствуетъ какое-то нерасположеніе,
не имѣетъ аппетита, и страдаетъ
головокруженіемъ. Большой фонтанъ
составляетъ центръ этого прекрас-
наго сада, окруженнаго широкою до-
рогою для экипажей и верховыхъ. За-
часъ передъ захоженіемъ солнца сви-
рается здѣсь высшая публика, а ко-
времени вечерней молитвы, ораіон,
которая возвѣщается колокольнымъ
звономъ, вдругъ пустѣютъ аллеи и
дорога. На дорогѣ въ Аламеду проѣз-
жали мы чрезъ знаменитый водопро-
водъ, который снабжаетъ здоровою
водою многіе фонтаны въ городѣ и
жищелей; она проведена съ ближнихъ
горъ, и протекаетъ по 900 кряжкамъ

и широкимъ сводамъ, вышиною до 12 футовъ, безъ покрыши.

Въ городѣ есть еще два публичныя гульбища: Paseo las Vigas, зимнее, и большой Пасео, лѣтнее. Последний со многими красивыми фонтанами, паходился на пріятномъ мѣстоположеніи; первый, нынѣ посѣщаемый, заслуживаетъ, чтобы о немъ упомянуть. Las Vigas есть аллея, въ 1³/₄ версты, идущая вдоль канала Чалько (Chalco); который соединяетъ озеро Тескуко и Чалько. Въ началѣ XVI столѣтія все это пространство было покрыто водою, и теперь еще представляетъ площадь мало воздѣланную и болотистую; но группы горъ вдали съ высющимися сѣжими вершинами обонхъ вулкановъ, придаютъ ей живописный видъ. По воскреснымъ днямъ этошъ Пасео чрезвычайло оживленъ и занимашеленъ, и мы не пропускали часа прогулки. Съ одной

сторонъ каналъ, покрытый длинными и широкими лодками, съ другою безчисленное множество экипажей, верховыхъ, пѣшеходовъ на Пасео, представляющъ чрезвычайно веселый видъ, особенно лодки, которыя подвозящъ поселящъ, увѣнчанныхъ цвѣтами, и на которыхъ иногда молодая пара подъ гитару пляшетъ національный танецъ. И пѣшеходы украшаютъ голову и грудь цвѣтами. На каналъ есть и знаменитые плавающіе сады, *chí-patras*, покрытые прекраснѣйшею зеленью; они снабжаютъ городъ лучшими овощами.

Но мы уже довольно побродили по улицамъ и гульбищамъ; войдемъ теперь въ домъ, и посмотримъ на внутреннее устройство. Почти всѣ дома имѣютъ внутри черыреугольный дворъ (*patio*); въ нижнемъ этажѣ магазины съ товарами; погребовъ здѣсь нѣтъ, ибо мѣсяно, на которомъ спю-

ишѣ городъ, отнято у озера, и въ дождливое время вода скопляется и доходитъ до половъ въ магазинахъ. Жилыя комнаты во вторѣмъ этажѣ; онѣ высоки, веселы, часеню велики, красивы; окна доходятъ до полу, каменнаго, покрышаго коврами, и открывающа на балконъ, на улицу; вокругъ всего двора построена галлерей, ведущая въ комнаты, и обыкновенно убранная красивыми кактусами и другими расшеніями, такъ что замѣняютъ садъ. Это обыкновеніе придаетъ внутренности дома очень пріятный видъ. Плоская крыша есть другая пріятность; по захожденіи солнца или рано утромъ, съ этихъ крышъ (azolea) наслаждаются открытымъ видомъ на городъ и окрестности, панорамой, которая, въ цѣлоспи и въ часпахъ, чрезвычайно живописна и величественна. Представь себѣ обширный кругъ высящихся до небесъ горъ съ снѣж-

ными вершинами, просирающую равнину, на которой стоит Мексика; среди сего круга, загородные дома съ садами, монастыри и мѣстечки, разбланные по равнинѣ, каковы Такубая, Саншъ-Августинъ, Гаделупе, Чапульшпекъ и другія, большія озера Чалько и Тескуко; наконецъ, видъ на богатый куполами и башнями городъ съ 180,000 жителей, волнующихся по улицамъ; — представъ себѣ все это, при освѣщеніи проницескимъ солнцемъ: трудно найти картину прелестнѣе этой, которой недоспаеиъ только пѣнящагося моря.

Мы сдѣлали нѣсколько занимательныхъ поѣздокъ въ окрестности, именно въ Саншъ - Августинъ, красивый городокъ, гдѣ Корнессъ сначала хотѣлъ посиронить столицу, ибо мѣсто тамъ возвышеннѣе, сира плодороднѣе и прекраснѣе, нежели равнина, которую занимаетъ теперь Мексика. Саншъ-

Августинъ посѣщаютъ собственно въ Троицынъ день; тогда съѣзжающія туда жители не только изъ Мексики, но и изъ окрестныхъ мѣстъ, останавливаются лагеремъ въ чистомъ полѣ, подъ шатрами, и пять дней и ночей посвящаютъ баламъ, боямъ и тѣшуховъ (у Сантаны 500 эскихъ бойцевъ, посредникомъ которыхъ онъ держалъ республику въ уздѣ), и особенно азардной игрѣ, монша, для которой 20 домовъ, держащихъ эту игру, привозятъ изъ Мексики не менѣе 60,000 дублоновъ ($5\frac{1}{2}$ милл. р. асс.) золотомъ, не считая серебра, и вѣроятно возвращаются домой съ прибылью отъ 25 до 50 процентовъ. Подлѣ самаго города учреждается фабрика бумагопряденія, которая есть единственная въ республикѣ, или лучше сказать будетъ, потому что въ 15 лѣтъ постройка ея еще не была кончена.

Во время поѣздокъ посѣтили мы

также знаменитую церковь Святой покровительницы Мексики, Гваделупской Богоматери, и построенную подлѣ нея на скалѣ часовню, *каменный корабль*; но за исключеніемъ исчисленія накопленныхъ тамъ богатствъ, нечего сказать объ нихъ.

Поездка въ Чапульшепекъ была для насъ гораздо занимательнѣе. Это замокъ, находящійся на сѣверѣ ошѣ Мексики, на одинокой скалѣ, возвышающейся посреди равнины, гдѣ древніе государи проводили лѣто. Замокъ въ развалинахъ, и потому объ немъ ни слова. Но кипарисная роща внизу, у подошвы скалы, споймѣ быль воспѣта стихотворцемъ; я не осмѣливаюсь описывать впечатлѣнія, произведеннаго на меня этимъ лѣсомъ, который прожилъ половину тысящелѣтія. Нѣкоторые деревья оплочающія удивительною толщиною; такъ называемый кипарисъ Монпесумы, не

много выше корня, имѣють въ окружности 41 футъ, слѣдовенно около двухъ сажень въ поперечникѣ. Вьющіяся расшенія пепельнаго цвѣта обви-вають спволъ и вѣтви, и висятъ длинными нитями, какъ сѣдые волосы; они переходятъ съ одного дерева на другое, и переплетаютъ всю рощу сѣтью, сквозь которую не проникаетъ солнечный лучъ; непрерывный легкій вѣтерокъ покачиваетъ высокія вершины старыхъ деревъ, и медленно помаваетъ серебряными ихъ власами. Они стояли уже на этомъ мѣстѣ, когда процвѣтало царство Моншесумы: погибла цѣлая нація, исчезла образованность, чужой народъ вступилъ въ обладаніе металлоносною землею, распространилось новое образование, теперь и это зданіе сокрушается, а кипарисная роща въ Чапультепекѣ становится все мрачнѣе и спрашнѣе.

Время пребыванія нашего въ Мексикѣ было именно самое тихое. Вице-Президентъ, Генераль Барагамъ, исправлявшій въ отсутствіе Саннаны должность Президента, былъ боленъ, и умеръ черезъ двѣ недѣли послѣ нашего пріѣзда. Онъ былъ человѣкъ честный и добрый, и потому всѣ знавшіе его искренно и глубоко сожалѣли о немъ. Рассказывали, что въ минушу кончины Барагама, надъ смертнымъ одромъ его, явилась въ воздухѣ пальмовая вѣтвь, наклонилась къ нему и исчезла. Погребеніе совершено съ большою пышностію, и, какъ говорили, стоило націи полмилліона. Опѣ національнаго дворца, по главнымъ улицамъ города, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, распянутъ были наметъ изъ полотна, подъ тѣнію котораго проходило погребальное шествіе. Конница и пѣхотныя войска, числомъ до 700 человѣкъ, бы-

ли очень нарядны; но духовенство, кажется, соперничеспивовало съ войскомъ въ великолѣпіи и числѣ; всѣ монастыри выслали своихъ монаховъ, церкви священниковъ, учебныя заведенія воспитанниковъ; мы насчитали болѣе 500 бристыхъ головъ; между ними нѣкопорыя лица похожи были болѣе на людей свѣтскихъ и даже разврапныхъ, нежели на обиташелей монастырскихъ келій. Между духовенствомъ замѣтили мы нѣсколько весьма почтенныхъ физіономій; но чпобы нарядъ и, въ особеннпости, головной уборъ сановниковъ духовныхъ не найпи забавнымъ, на это нужна большая привязанность къ почтенной старинѣ, копорая произвела эти вещи. Гробъ несли генералы; покойникъ лежалъ въ немъ испокрытый, въ полной военной формѣ. Дипломатическій корпусъ также находился въ шествіи; пѣвчіе и музыканты,

люди со свѣчами и факелами сопровождали оное; экипажи и верховыя лошади слѣдовали за нимъ. Балконы домовъ, мимо которыхъ несли гробъ, были завѣшены чернымъ сукномъ, а тысячи любопытныхъ женщинъ были въ одѣхъ въ черное платье, и закутаны въ черныя мантильи.

Позднее время года заставляло помышлять объ отпѣздѣ. Приближалось ужасное время желтой горячки, въ которое Веракрусъ становится для чужестранцевъ почти неизбежнымъ гробомъ, и Англійскаго пакетбота, ходящаго между Фальмуномъ и Веракрусомъ, ожидали чрезъ нѣскольکو дней. Нашъ больной поправился, и мы еще не подвергались климатическому вліянію этой пропической плоской возвышенности; однимъ словомъ, настало время продолжать путь. Дорога изъ Мексики въ Веракрусъ всегда была небезопасна; на ней промы-

шляли искатели счастья и разбойники, и шакъ какъ они нападали на путешественниковъ, ѣхавшихъ изъ Европы съ небольшимъ капиталомъ, чтобы въ Мексикѣ нажить болѣе, или возвращавшихся опипуда въ Европу съ накопленнымъ богатствомъ, то эти большія и малыя суммы поощряли героевъ большой дороги къ новымъ подвигамъ. Въ продолженіе пребыванія нашего въ Мексикѣ не проходило недѣли, чтобы пуда не приходилъ ограбленный дилижансъ, и . раза два случалось, что пассажиры, имѣвшіе довольно рѣшимости, чтобы защищать свое имущество, подверглись большой бѣдѣ. Одному Англичанину отсекли разбойники руку, другому Американцу раскололи черепъ. Положеніе жены моей дѣлало предстоящій путь для насъ шѣмъ болѣе опаснымъ, что дорога дурна, и дилижансы ѣздяшъ чрезвычайно скоро; хотя

въ каретѣ на мулахъ спокойнѣе ѣхать, за то тѣмъ болѣе подвергаешься нападеніямъ разбойниковъ, и проѣдешь вдвое долѣе. Человѣкъ пять, шесть солдатъ, которыхъ правительствомъ даетъ въ проводники по требованію путешественниковъ; обыкновенно улизнуть первые, когда покажутся человека два рѣшительныхъ разбойниковъ. Однако же, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я предпочелъ дилижансу наемную карету, и ровно чрезъ мѣсяць по прибытіи въ Мексику, 8-го Марша, выѣхали мы опшуда, въ сопровожденіи Г. фонъ Герольта, въ каретѣ, запряженной семью мулами, во всемъ подобной той, въ которой мы пріѣхали изъ Гвадалахары. Для безопасности дали намъ эскортъ изъ пяти драгунъ, которые въ каждомъ мѣсцѣ смѣнялись и спановились тѣмъ безобразіемъ, чѣмъ далѣе мы отъѣзжали отъ столицы.

Доѣхавъ до одной венпы, стоящей подлѣ скалы, мы остановились, чтобы подождать человекъ двухъ оставшихъ проводниковъ нашихъ. Скала, подлѣ самой дороги, обратила на себя наше вниманіе; мы подошли къ ней ближе, и, къ немалому удивленію, я увидѣлъ въ ней нѣсколько пещеръ, обитаемыхъ Индѣйцами, которые пребыли совершенно вѣрными природному сословію своихъ предковъ, Астекковъ. Семейства ихъ казались многочисленными; множество запачканныхъ ребячишекъ играли въ разсѣлинахъ спѣнь; мужчинъ и женщинъ не было дома, а намъ нѣкогда было ждать ихъ, чтобы осмотрѣть хозяйство этихъ жителей пещеръ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мексики. На ночь захали мы въ Кордовскую венпу, гдѣ гошвилось празднество въ честь папрона того мѣста, Святаго Хуана. Изъ сосѣдства наѣхали верхомъ кабамеро-

сы съ своими сеньорипами; дворы на-
полнились; слышно было ликование
толпы, смотрѣвшей на бой быковъ;
потомъ зазвучала гитара, сопровож-
даемая нѣсколькими женскими и муж-
скими голосами; около нея собралась
группа танцоровъ фанданго, кошорые
плясали безъ усталости. Съ насту-
пленіемъ темноты началась въ часо-
виѣ обѣдня; потомъ сожженъ фейер-
веркъ, пошла пальба, пѣсни, колоколь-
ный звонъ, и къ крайнему нашему
сожалѣнію, шумъ не утихалъ до са-
маго утра. Чрезвычайно дурная вода
также способствовала къ тому, что-
бы сдѣлать намъ ночлегъ непріят-
нымъ, а кромѣ того, мы должны бы-
ли отказаться и отъ всѣхъ удобствъ
покойнаго помѣщенія.

Мы замѣтно поднимались на вы-
соту: воздухъ становился рѣже, свѣ-
жѣе, даже холоднѣе, страна принима-
ла болѣе сѣверный видъ, а на второй

день путешествія мы проѣзжали уже по пихтовымъ лѣсамъ. Въ Баранкѣ де Хуанесъ находились мы на высотѣ 10,486 фузовъ надъ поверхностью моря. Тутъ и въблизи слѣдующей веншы, Ріо-Фріо, въ горномъ ущеліи, любимое мѣстопробываніе разбойниковъ. Хотя отъ Ріо-Фріо мѣстоположеніе становится низменнѣе, однако же страна еще не воздѣлана почти до веншы Санъ-Маршинъ, въ которой мы провели впоруую ночь. Тамъ мы были уже на 2750 фузовъ ниже Баранки де Хуанесъ, на плодородной равнинѣ, въ *terra templada*. До города Ла-Пуэблы, земля превосходно обработана; богатые пашни, многочисленныя хозяйственныя строенія, красивыя селенія, чрезъ копорыя пролегаетъ дорога, придають странѣ видъ, тѣмъ болѣе привлекательный для путешественника, что онъ только выѣхалъ изъ суровыхъ горныхъ ущелій. Здѣсь преиму-

щественно воздѣлывается пшеница, копорая въ хорошіе годы даетъ урожаю 80-е зерно. Съ правой стороны дороги видѣли мы знаменитую пирамиду Чолульскую, памятникъ временъ Тольтековъ, копорые въ послѣдствіи были вытѣснены и порабощены пришедшими съ сѣвера Аспеками. Этотъ памятникъ, Theocalli, имѣетъ 177 футовъ вышины; на тупой маковкѣ его стоитъ теперь часовня. На половинѣ дороги отъ Санъ-Маршина до Пуэблы есть мѣсто, съ котораго видны на горизонтѣ три извѣстные волкана въ Мексикѣ: Орисаба, Испацигуатль и Попокатепетль; два послѣдніе на четверть вышины своей были покрыты вновь выпавшимъ снѣгомъ, копорый днемъ спаялъ, и только вершины сохранили свой вѣчный ледяной покровъ.

Мы пріѣхали въ Пуэблу еще рано днемъ, и охотно поѣхали бы да-

лѣе, если бы явился нашъ конвой, но это продлилось до поздняго вечера, и мы оспались ночевашъ. Улицы въ Пуэблѣ узки и кривы, зданія нечислы, и вообще видъ города непріятенъ; соборъ знаменитъ великолѣпіемъ и богатствомъ, а жители, 75,000 человекъ, испугленные Каполики.

Проспудившись въ горахъ, я легъ въ постель; однако же на другой день мы отправились рано утромъ. Погода была вѣтряная и холодная, дорога песчаная; страна въскорѣ утратила видъ плодородія, и близъ мѣстечка Пиналь мы опять проѣзжали чрезъ пихтовый лѣсъ, который также служилъ при-спанищемъ бандитамъ. Пиналь состоитъ около 1,000 фузовъ выше Пуэблы; далѣе страна безлѣсна, ровна, бѣдна водою, но мѣстами воздѣлана. Мощеная дорога построена во время Испанцевъ съ неимовѣрными трудами и

въ величественномъ видѣ; но теперь развалилась; и часто по ней невозможно бываетъ проѣхать. На протяжении около 13 легъ, почти до Пероме, дорога идетъ по степи, плоской, безлѣсной, невоздѣланной; горизонтъ вдалекѣ замыкается горами. Лѣтомъ, во время дождей, эта печальная пустыня стоитъ подъ водою, а при проѣздѣ нашемъ нельзя было найти ни капли. Степь была покрыта густымъ шуманомъ, который потомъ разсѣялся; но вѣрно содѣйствовалъ къ произведенію обманчивыхъ воздушныхъ явленій, отъ которыхъ голая степь казалась намъ поверхностью водъ, селеніемъ или лѣсомъ. Намъ попадалось навстрѣчу нѣсколько группъ вооруженныхъ всадниковъ: это явленіе каждый разъ наводило страхъ на нашъ конвой, который вѣрно отъ души желалъ, чтобы эти всадники исчезали въ возду-

хъ, какъ Фапа-Моргана; но пѣмъ живѣ была потомъ радость солдатъ, когда страшные кабальеросы добродушно подъѣзжали и вмѣстѣ съ ними закуривали сигары. Послѣ каждой пакой встрѣчи, храбрые наши воины одушевлялись веселымъ расположеніемъ духа, становились очень разговорчивы, часто вынимали сабли, и казались грозными, пока снова не выскакивали изъ опдаленнаго облака пыли новые всадники, которые налагали на нихъ глубокое молчаніе.

Около Пероше почва состоишъ изъ чернозема, и потому воздѣлана. Мѣстечко это маловажно, и замѣчательно только, какъ единственная крѣпость во всей землѣ; но ее пѣмъ легче обойти, что она стоишъ на равнинѣ, въ углубленіи и въ споронѣ опъ большой дороги.

И на слѣдующій день густой туманъ покрылъ страну за Пероше; мы

могли различать только ближайшіе предметы — деревья осоте, родъ сосны. Въ мѣстечкѣ Ласъ - Вигасъ насъ уведомили, что далѣе уже нечего опасаться разбойниковъ, ladro es; въ слѣдствіе этого, наши провожатые, las tropas, насъ оставили. Дома въ Ласъ-Вигасъ построены изъ бревенъ, на подобіе нашихъ крестьянскихъ; также и въ слѣдующихъ деревняхъ до Халапы. Нѣкоторое прозябаніе дороги покрыто чернымъ обгорѣвшимъ камнемъ, и напоминало намъ объ остаткахъ изверженій въ Агуакапланъ; но здѣсь уже разведены кактусы, и деревья осоте мѣстами порчали между черными шлаками. Передъ домомъ одного крестьянина стояло сосновое дерево, и на немъ для продажи развѣшены были апельсины и бананы; множество ихъ и свѣжесъ листьевъ доказывали, что жаркая страна, terra caliente, должна быть очень близко,

не смотря на суровость окрестности. Вскорѣ начали мы быстро спускаться; воздухъ становился теплѣе, и въ нѣсколько часовъ, съ краткими промежутками переѣзжали мы изъ хвойнаго лѣса въ полосы дубовъ, ежевики, сирени, дурмана, споявшаго въ полномъ цвѣтѣ; за тѣмъ слѣдовали персиковыя, апельсинныя деревья, плашаны, съ каждымъ шагомъ прозябаніе становилось роскошнѣе, страна воздѣланнѣе: передъ Халапою принимаетъ она видъ прелестнаго сада. Влажность воздуха и его сильнѣйшее давленіе имѣли на насъ, береговыхъ жителей, чрезвычайно благотворное дѣйствіе, и мы тѣмъ живѣе наслаждались прелестями этой страны, столь чудесно украшенной природою. Невозможно вообразить роскошнаго, безконечно разнообразнаго прозябанія около Халапы. Этотъ красивый городокъ, хотя еще на высотѣ облач-

наго слоя, находишся уже 3500 фу-
тами ниже Ласъ-Вигаса, и этой зна-
чительной разности обязанъ той осо-
бенности, что въ немъ могутъ про-
зябать растенія почти всѣхъ полосъ
жаркой и холодной земли. Халапа сла-
вился здоровымъ, хопя и сырымъ
климашомъ; изъ Веракруса уѣзжаютъ
туда отъ желшой горячки, и ѣдущіе
изъ Мексики проживаютъ въ Халапѣ
нѣсколько времени, чтобы не вдругъ
подвергнуться ушомительному жару
изменной полосы. Въ ожиданіи при-
хода Тиріона, Англійскаго пакетбота,
изъ Фальмута, тамъ собралось уже
изъ Мексики нѣсколько семействъ,
къ копорымъ присоединились и мы.

Въ Халапѣ царствуетъ вѣчная вес-
на; однако же во время нашей зимы,
и когда на морѣ дуетъ сильный сѣ-
верный вѣтеръ, воздухъ бываетъ хо-
лодень; тогда часто идетъ и дождь.
Увѣряютъ, что разница между на-

стоящимъ дождливымъ и сухимъ временемъ года въ Халапѣ заключается только въ бѣльшемъ или меньшемъ количествѣ ниспадающей воды, потому что дожди бывають круглый годъ. Упѣщеніе для нашей оклеветанной Сипхи! Въ солнечные дни воздухъ нагрѣвается до умѣренной температуры, которая опшюдь не спановится тягостною. Такая погода стояла въ Вербное Воскресенье, и мы вполне насладились ею. Чрезъ городскую площадь должна была проходить церковная процессія; для этого рано утромъ перевели опшуда плодовой рынокъ въ ближнюю улицу, подъ самый нашъ балконъ. Безконечное разнообразіе формъ, цвѣтовъ и качествъ всѣхъ плодовъ и овощей, принесенныхъ на продажу, было для насъ предметомъ истиннаго удивленія. Процессія прошла и мимо нашихъ оконъ; духовное пѣніе, множество зажжен-

ныхъ свѣчей, длинныя пальмовыя вѣтви и обиліе прелестнѣйшихъ цвѣтовъ придавали шествію особенный видъ, который приковалъ все наше вниманіе. Процессіи въ три послѣдніе дня Спрасной Недѣли, были слишкомъ театральны, и не могли намъ понравиться, но для любительей зрѣлищъ онѣ были дѣйствительно любопытны, и, можетъ быть, съ тою цѣлю и учреждающіяся.

Халапа, небольшой городокъ съ 10,000 жителей, расположенъ амфитеатромъ на холмистомъ мѣстоположеніи, окруженъ садами и лѣсами; рѣчки журчатъ во всѣхъ направленіяхъ; отдаленныя горы Орисаба и Кофре де Пероте виднѣются на горизонтѣ: видъ живописный. Мы гуляли такъ часто, какъ позволяли погода и здоровье моей жены, и каждый разъ находили новыя красоты. Въ находящемся неподалеку отъ го-

рода обширномъ саду, или лучше ска-
зашь, фермѣ, любовались мы сближе-
ніемъ весьма разнородныхъ растений,
каковы кофейныя деревья, картофель,
сахарный тростникъ, каменный лукъ,
корица, маисъ, пшеница, апельсинное
дерево, перцовое дерево, и прекрас-
нѣйшіе розовые кусты, которые по-
крывали спѣсны дома отъ земли до
крыши.

Проведя девять пріятныхъ ^{дней} дней
въ этой прелестной долині, рѣши-
лись мы ѣхать далѣе, чтобы поп-
часъ съѣсть на Тиріонѣ, коль скоро
онъ прійдетъ въ Веракрусь, а его
прихода, по всему вѣроянію, должно
было ожидать ежедневно. Мы поло-
жили ѣхать въ Спраспную Субботу,
и наняли двое крышыхъ носилокъ,
literas, несомыхъ мулами; ѣзда въ ди-
лижансѣ неудобна по крупизнѣ доро-
ги и испорченности мостовой, а въ
носилкахъ безопасна и пріятна. Рано

успромъ сѣли мы въ эпи экипажи, и скорою рысью выѣхали изъ города. Едва проѣхали мы верспу, какъ увидѣли дилижансъ изъ Веракруса, ѣхавшій тихимъ шагомъ, и узнали печальное извѣстiе, что за полшора часа предъ шѣмъ, на него напали разбойники, и ограбили. Изъ девяти пассажировъ въ каретѣ было пятеро мужчинъ, и дилижансъ провожали восемь конныхъ солдатъ; не смотря на то, четверо разбойниковъ опважились напасть на нихъ; одного солдата они заспрѣдили, другимъ ничего не сдѣлали, учтиво заспавили дамъ выйши изъ кареты, и очистивъ ее, спустили; говорящъ, добыча была значительна. — Мы продолжали путь; вскорѣ встрѣшились намъ и солдаты, которые несли убишаго своего поварища на носилкахъ. Мы проѣхали 14 легъ до Puente nacional, прежде называвшагося del Rey: это красивый

каменный мостъ чрезъ горное ущелье и рѣчку, копорый, какъ важный военный пунктъ, игралъ видную роль въ революціонную войну. Тутъ отдохнули мы и мулы отъ дневнаго жара, и пустились снова въ путь въ полночь, при лунномъ свѣтѣ. У одной деревни, мимо копорой мы проѣзжали, зажжены были на полѣ большіе огни, около копорыхъ расположились группами люди; намъ замѣнили, что человека два изъ нихъ подходящъ къ намъ, и совѣтовали ночевать въ деревнѣ, потому что въ окрестности не спокойно отъ дурныхъ людей, malos gentes. Мы поблагодарили за совѣтъ, и поѣхали далѣе. Съ каждою милею, копорую мы проѣзжали, температура становилась ощутительнѣе, а съ восходомъ солнца наступилъ помпительный жаръ. Видъ страны носилъ признаки палящаго зноя: свѣжая, густая зелень, роскошное прозябаніе

исчезли, и только мѣстами, на ручьяхъ, тропическія растенія осѣняли хижины, построенныя подобно клѣткамъ, изъ бамбуковаго простира, коихъ жилища отличались смуглостью отъ жилищей высокой полосы; встрѣчались также черныя, какъ уголь, семейства негровъ, но рѣдко, ибо въ Мексикѣ не дозволяется ихъ имѣть, да и нѣтъ въ нихъ нужды. Наша островишка Уналашка очень удивлялась, увидѣвъ дикихъ попугаевъ, порхавшихъ въ кустарникъ.

Горы мало по малу исчезли, страна сдѣлалась плоскою, дорога песчанною; на насъ дулъ прохладный вѣтеръ, который все становился смѣнѣе: не оставалось сомнѣнія, что мы недалеко отъ морскаго берега. Вдругъ видъ открылся, и передъ нами волновалось море! Неописанная радость овладѣла нами; намъ хотѣлось бы обнять каждую волну, которая чрезъ

низменный песчаный берегъ изливалась подъ наши носилки; нашъ сынъ также кричалъ ошъ восхищенія, увидѣвъ любезную, знакомую спихію, и хотѣлъ выскочить изъ носилокъ, чшобы приняться за любимую игру въ Сипхъ, бросающъ въ воду камешками. Наконецъ увидѣли мы предѣлъ пруднаго и опаснаго путешествія, и то же самое море, кошорое омываетъ берега Европы, и по волнамъ кошораго мы вскорѣ должны были доспичъ любезнаго опечесства, вѣяло на насъ освѣжающею прохладою.

Но Тиріонъ не приходилъ; желшя горячка, спрашная vomita, могла оказаться въ скоромъ времени: наше желаніе выѣхать изъ земли, по кошорой мы проѣхали 1,600 верстъ ошъ одного берега до другаго, и безпокойство возрасшали съ каждымъ днемъ, и пошому ты найдешь ешественнымъ, что послѣ десятидневнаго му-

чисельнаго ожиданія, мы отказались отъ Тиріона, и сѣли на Сѣверо-Американскій корабль, Анна Элиза, трехмачтовое судно въ 350 тоннъ, шедшій въ Нью-Йоркъ, и устроенный для пассажировъ.

Веракрусъ такое извѣстное мѣсто, что я не могу сказать о немъ ничего новаго: и такъ, безъ замедленія, снимаемся съ якоря. 3-го Апрѣля, чрезъ 88 дней послѣ выхода нашего на Мексиканскій берегъ въ Санъ-Бласъ, мы вновь вступили подъ паруса, надушыя благопріятнымъ вѣтромъ. Судно превосходно шло, и хопя въ послѣдствіи мы должны были бороться съ сильными прошивными вѣтрами, однако же достигли печенія залива, прошли мимо береговъ Кубы и южныхъ Шпашовъ Сѣверной Республики, и чрезъ 19 дней вошли въ Нью-Йоркскій Заливъ.

Какое зрѣлище намъ здѣсь представилось! Сотни судовъ различнаго рода перерѣзывали просторный заливъ, при свѣжемъ вѣтрѣ, подъ всеми парусами; множество пароходовъ дымилось около насъ; по берегу спояли красивыя дачи и сады: это была картина, исполненная дѣятельности и благосостоянія, прелести и жизни, достойная своего предмета, Нью-Йорка, величайшаго, богачѣйшаго, многочислѣннѣйшаго торговаго города на всемъ материкѣ Америки. Вскорѣ показался непроходимый лѣсъ мачтъ на тысячахъ судовъ, окружавшихъ гавань, потомъ самый городъ. Чрезъ каждыя три минушы, приходили и опходили красивые двухпалубные пароходы, наполненные людьми, копорые имѣють дѣла въ Броклинѣ и Нью-Йоркѣ, и это продолжалось цѣлую ночь, весь день, и круглый годъ бываетъ тоже. Анна Элиза приспала къ назначенному для

нея мѣсту ; хопя уже былъ вечеръ, но мы сошли на берегъ, горѣ неперпѣніемъ посмотришь на знаменитый городъ. По улицамъ гремѣли нагруженныя повозки, омнибусы, наемныя карешы, безъ числа ; пѣшеходы толпились ; зданія большею частію семиэтажныя , наполненныя магазинами, кладовыми , лавками , и превосходно освѣщенныя гасомъ. Какое движеніе, свѣтъ, богатство, разнообразіе, поражали насъ ! Сутки, проведенныя нами въ Нью - Йоркѣ , были для насъ чрезвычайно занимательны и любопытны.

Но время не терпѣло ; намъ нельзя было терять ни одного дня, и мы чрезъ 24 часа сѣли на прекрасный Американскій пакетботъ, Ушика , въ 600 тоннъ, съ 40 пассажирами, поспѣшась подняли паруса, и послѣ 30-дневнаго , довольно бурнаго плаванія , вошли въ Гавръ, гдѣ дымился Гамбургъ.

скій пароходъ въ ту минушу, какъ мы сошли на берегъ; чрезъ два часа мы были уже на этомъ пароходъ, и на дорогъ въ Гамбургъ, куда пришли въ 51 часть, и чрезъ Любекъ на пароходъ Николай I, въ пріямномъ обществѣ, достигли, 4-го Іюня, вожделѣнной цѣли нашего путешествія. Три дивизіи линѣйныхъ кораблей, фрегатовъ и меньшихъ судовъ, раздѣленные на нѣсколько эскадръ, крейсировали между Гогландомъ и Кронштадомъ; я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту армаду, и слѣдовалъ глазами за ея эволюціями: зрѣлище было разительное и величественное! Не менѣе удивили меня новыя укрѣпленія въ Кронштаптѣ. Все свидѣтельствовало о дѣятельности творческаго духа, который довершаетъ обширныя дѣла Великаго Петра.
